

Под редакцией

**Пола Самуэльсона
и Уильяма Барнетта**

**О чем думают
экономисты**

**Беседы с нобелевскими
лауреатами**

ALFR.
NOBEL

КРИЗИС
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
МОНЕТАРИЗМ
СВОБОДНЫЙ РЫНОК
РАВНОВЕСИЕ

альпина
ПАБЛИШЕР

Коллектив авторов

**О чем думают
экономисты: Беседы с
нобелевскими лауреатами**

«Альпина Диджитал»

2007

Коллектив авторов

О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами /
Коллектив авторов — «Альпина Диджитал», 2007

ISBN 978-5-9614-4442-1

В книгу вошли беседы с выдающимися умами современной экономической науки. Такие имена, как Пол Самуэльсон, Василий Леонтьев, Милтон Фридман, Роберт Лукас и другие не требуют особого представления. Книга дает уникальную возможность узнать мнение этих блестящих специалистов по наиболее актуальным вопросам современной экономики и политики, взглянуть на экономическую науку по-новому. Книга очень информативна. По сути, это краткое изложение эволюции экономической теории за последние полвека, представленная в легкой и доступной форме. Для тех, кто интересуется важнейшими тенденциями мировой экономики или изучает экономические науки.

ISBN 978-5-9614-4442-1

© Коллектив авторов, 2007

© Альпина Диджитал, 2007

Содержание

Выдержки из книги	6
Предисловие к русскому изданию	8
Вступительное слово	10
Предисловие	12
1. Интервью Василия Леонтьева Данкану Фоули	14
2. Интервью Дэвида Касса Стивену Спиру и Рэндаллу Райту	15
3. Интервью Роберта Лукаса-младшего Беннетту Маккаллуму	16
4. Интервью Яноша Корнай Оливье Бланшару	17
5. Интервью Франко Модильяни Уильяму Барнетту и Роберту Солоу	19
6. Интервью Милтона Фридмана Джону Тейлору	21
7. Интервью Пола Самуэльсона Уильяму Барнетту	23
8. Интервью Пола Волкера Перри Мерлингу	25
9. Интервью Мартина Фельдштейна Джеймсу Потерба	28
10. Интервью Кристофера Симса Ларсу Петеру Хансену	29
11. Интервью Роберта Шиллера Джону Кэмпбеллу	30
12. Интервью Стэнли Фишера Оливье Бланшару	31
13. Интервью Жака Дреза Пьеру Деэ и Омару Ликандро	32
14. Интервью Томаса Сарджента Джорджу Эвансу и Сеппо Хонкапохья	33
15. Интервью Роберта Ауманна Серджиу Харту	35
16. Интервью Джеймса Тобина и Роберта Шиллера Дэвиду Коландеру	37
Литература	38
Введение к истории мысли	39
1. Интервью с Василием Леонтьевым	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55
Комментарии	

О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами

Переводчики *Е. Калугин (главы 3-16), Е. Пестерева (предисловие, введение, главы 1, 2)*

Редактор *О. Нижельская*

Руководитель проекта *С. Турко*

Технический редактор *Н. Лисицына*

Корректор *Е. Чудинова*

Компьютерная верстка *А. Абрамов*

© Blackwell Publishing Ltd, 2007

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2016

Издано по лицензии Blackwell Publishing Ltd, Oxford

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Выдержки из книги

«Одно из величайших заблуждений в истории экономической мысли состоит в том, что любое изменение на фондовом рынке имеет разумное объяснение...»

Роберт Шиллер, профессор Йельского университета, автор книги «Иррациональный оптимизм»

«После войны в Эфиопии и вмешательства фашистских держав (Германии и Италии) в гражданскую войну в Испании мои антифашистские настроения становились все сильнее. Я решил уехать из Италии. Последнее, что меня подтолкнуло, был тесный союз Муссолини с Гитлером, который привел к принятию антисемитских законов и сделал невозможным проживание в Италии тех, кто желал сохранить уважение к себе».

Франко Модильяни, лауреат Нобелевской премии, профессор Массачусетского технологического института

«Доказано, что торговля позволяет избежать массовой миграции из бедных стран в богатые. Американцы утратили традиционную монополию на передовые технологии и капитал... Сегодня любая, даже незначительная победа профсоюза приближает тот день, когда американская промышленность переберется за рубеж в поисках трудовых ресурсов... "Обиженная" рабочая сила вынуждена искать убежище под крылом новой системы жесткого корпоративного управления».

Пол Самуэльсон, лауреат Нобелевской премии, профессор Массачусетского технологического института

«Я встречался с Никсоном году в семидесятом... Он хотел, чтобы я убедил Артура [Бёрнса] поскорее увеличить количество денег в обращении [смеется], а я сказал президенту: "Вы действительно этого хотите? Ведь в результате вы столкнетесь с еще большей инфляцией – если, конечно, вас переизберут". И он ответил: "Об этом мы будем думать, когда нас переизберут". Типичная картина. Нет никаких сомнений, что именно было важно для Никсона».

Милтон Фридман, лауреат Нобелевской премии, профессор Гуверовского института при Стэнфордском университете

«Одного из моих близких друзей не только арестовали, но судили и расстреляли. Были арестованы многие мои лучшие друзья... Меня объявили "предателем" социализма... Когда вскрылись ужасные преступления этой системы (тюремные наказания, пытки, убийства невинных людей), мои самые искренние убеждения стали казаться наивными и постыдными».

Янош Корнай, профессор Гарвардского университета и Института специальных исследований «Коллегиум Будапешт» в Венгрии

«Теория узлов, как и теория чисел, была абсолютно, абсолютно бесполезной. Этим меня узлы и привлекли... Пятьдесят лет спустя "абсолютно бесполезную", "чистейшую" теорию преподают на втором курсе медицинских вузов».

«На поведение Кеннеди в тот период оказала влияние школа теории игр... и теперь ставят ему в заслугу то, как он вел себя во время [Карибского] кризиса... Киссинджер говорил о применении теоретико-игрового мышления в дипломатии периода холодной войны... Тогда люди действительно думали, что наступает конец света».

Роберт Ауманн, лауреат Нобелевской премии, профессор Иерусалимского университета

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

«Высший пилотаж!»

Одед Галор, профессор Университета Брауна, Иерусалимского университета, редактор Journal of Economic Growth

«Уникальный взгляд изнутри... увлекательное чтение для всех интересующихся экономической наукой и ее ролью в современном обществе».

Септо Хонкапохья, профессор Кембриджского университета

«People Magazine для интеллектуалов – с картинками!»

Роджер Фармер, Калифорнийский университет

«Эти удивительно откровенные интервью очень назидательны. Этот замечательный сборник должен прочитать каждый».

Адриан Пейган, Австралийский национальный университет

«Они ругаются и сплетничают о своих коллегах. Они рассказывают о том, что до сих пор было известно только посвященным».

Lawrence Journal World

Предисловие к русскому изданию

Перед читателем книга, которая продолжает серию, предлагаемую Московской школой управления СКОЛКОВО. Серия объединяет литературные труды ярких и незаурядных авторов, и «Беседы с нобелевскими лауреатами» должны по праву занять в ней особое место. Дело не только в том, что под одной обложкой здесь собраны интервью самых выдающихся деятелей современности в области экономики. Поскольку многие из этих ученых являются специалистами по макроэкономике, широкий ряд вопросов, обсуждавшихся в ходе бесед, связан с самыми различными и наиболее животрепещущими проблемами политического, экономического и социального развития общества

Масштаб личности интервьюируемого определяет не только широкий охват рассматриваемых проблем – беседы с такими уникальными людьми демонстрируют, насколько велики их жизненные устремления и объем задач, которые они себе ставят в профессиональном плане. И это, безусловно, имеет огромный воспитательный эффект для любого молодого человека, который делает первые шаги в своей карьере – как в бизнесе, так и в другой области.

Участниками представленных интервью стали, в числе прочих, бывшие и нынешние руководители центральных банков, а также бывший глава Комитета экономических советников при президенте США. Поэтому особенно интересно «звучат» в книге обсуждения механизмов государственного регулирования экономики и, в частности, бизнеса, возрастающей роли инструментов экономической политики в периоды кризисов, особенности взаимоотношений правительства и экономических советников в странах Европы и в США. Богатый опыт экономистов-практиков такого уровня делает их суждения и выводы убедительными, а рассказы о карьере и жизненном пути – бесценными.

Жанр интервью – довольно нестандартный формат для представления в книге подобного материала. Однако в данном случае он более чем уместен и оправдан. Прежде всего, в беседе автор даже самых сложных экономико-математических моделей вынужден наиболее популярно и доходчиво объяснить своему визави основные идеи исследований. Кроме того, интервьюера, как правило, интересует и биография собеседника, в частности, поворотные моменты в его судьбе и карьере, решающие факторы в выборе тем исследований. Искренние и эмоциональные ответы придают разговору особый характер и «вкус». Несмотря на то, что текст в ряде интервью нельзя назвать простым, пытливым читатель будет в конце концов вознагражден – книга насыщена фактами и историями, она невероятно познавательна.

Еще один аспект, связанный с материалом книги, имеет для нас большое значение. В беседах этих великих людей важное место занимает тема традиций тех учебных заведений, в которых они учились и работали, а это университеты и бизнес-школы с мировыми именами – Йельский университет, Массачусетский технологический институт, Гарвардская школа бизнеса и другие. Любому читателю станут понятнее принципы, которые лежат в основе создания престижного учебного заведения, а также подходы, позволяющие этот престиж поддерживать и сохранять.

Студенты и преподаватели найдут в этой книге полезные для себя примеры того, на что способны талантливые люди в качестве наставников, как они заражают учащихся своими идеями, делают их единомышленниками в поисках самых трудных ответов, как за счет этого создается удивительная атмосфера, в которой протекает наиболее конструктивное сотрудничество всех участников учебного процесса. Уверен, что эти примеры не оставят никого равнодушным и опыт учебных заведений с мировой славой поможет – и не только нам, в Московской школе управления СКОЛКОВО – формировать лучшие традиции российского бизнес-образования.

*Андрей Волков,
ректор Московской школы управления СКОЛКОВО*

Вступительное слово **О связи биографий отдельных** **ученых с биографией науки** *Пол Самуэльсон*

Эта книга – нечто большее, чем сумма ее отдельных частей. Сомерсет Моэм когда-то сказал, что «необходимо узнать две страны, чтобы знать одну». Другими словами, иногда один плюс один – это больше, чем два. Адам Смит и Эллин Янг называли это феноменом растущей отдачи при увеличении масштабов производства.

Когда какая-нибудь область знания (неважно, экономика, религия или акупунктура) находится на стадии быстрого развития, тех, кто идет в ее авангарде, не слишком заботит, кто именно «изобрел» дифференциальное исчисление – Ньютон или Лейбниц. А экономическая наука, как показывают собранные в книге интервью, находится сейчас именно на такой стадии. Эта книга позволяет сделать шаг назад и взглянуть на науку так, как не удастся отдельным ученым с их узкой специализацией. Ведь те, кто преуспевают в экономической науке XXI века, совершенно не задумываются о том, что сделал для теории предельной производительности Джон Бейтс Кларк и чего не сделал Иоганн Генрих фон Тюнен.

Этим, в частности, объясняется тот факт, что когда-то историю экономической мысли преподавали студентам, а теперь она интересует только узкую группу экспертов. Результат – неоправданный снобизм, наглядно иллюстрируемый шуткой Бернарда Шоу: «Те, кто может, делают. Те, кто не может – преподают». История науки вполне заслуживает того, чтобы присутствовать в университетской программе. Динамичный рост в отдельных областях экономики должен дополняться анализом целого, а не просто суммы его составляющих. Эта книга дает именно такую картину всей современной экономической науки и показывает ее связь с судьбами знаменитых экономистов, способствовавших развитию этой науки.

Докажем еще раз, как полезно рассматривать не один, а множество случаев, и проанализируем приписываемое Сократу высказывание: «Не изучая жизнь, не стоит и жить». Когда-то я прочитал превосходную книгу о крупнейших философах – таких как Спиноза, Кант, Гегель, Витгенштейн, Рассел – и сделал вывод, что Сократ был абсолютно не прав. Их судьба – сплошная цепь испытаний: суициды, разводы, постоянная депрессия, целибат. Проще всего это объяснить тем, что занятия философией лишают людей способности радоваться жизни. Но правильной было бы сказать, что ранее сиротство или врожденная дислексия и т. п. подталкивают человека к тому, чтобы стать философом, а не жизнерадостным барменом. Объективное и глубокое понимание целого в любой сфере знаний важно, но дается оно не так легко, как приобретение навыков бармена.

Но вернусь к экономике, экономистам и к вопросу о том, почему в этой науке сложились те направления, о которых рассказывается в книге. Один крупный консервативный экономист как-то объяснил, что его антипатия к государству восходит к поражению, нанесенному его южным предкам со стороны более развитого северного соседа. А вот еще один факт. Джоан Робинсон как-то написала, что ее отрицательное отношение к вступлению Великобритании в Общий рынок объяснялось тем, что «в Индии [времен Неру] друзей у нее было больше, чем на континенте». Да, на мировоззрение иногда действительно влияют какие-то личные моменты. Но можем ли мы полностью доверять тому, что человек пишет о себе сам? Та Робинсон, которую я знал, вполне могла думать в 60-е годы, что ее разновидность «постфабианского» социализма в Индии прижилась бы лучше, чем на континенте. И, к сожалению, думая так, она, возможно, была бы права.

Научные труды в силу самого их характера не предназначены для того, чтобы раскрывать личные мотивы своих авторов. Пытаясь понять, чем так привлекательна эта книга, следует ответить на вопрос, должны ли нас вообще волновать те личные причины, по которым выдающиеся экономисты выбирают для себя те или иные темы исследования? И если да, то позволяет ли формат интервью получить наиболее точное представление об этих причинах?

Закончу одним не самым достойным предположением относительно движущих мотивов и прошлых, и нынешних экономических исследований. Шерлок Холмс сказал: «*Шерше ля фам*». Когда Уилли Саттона спросили, почему он грабил банки, он ответил: «Потому, что в них хранятся деньги». Мы, экономисты, работаем, прежде всего, для того, чтобы заслужить уважение коллег, позволяющее нам самим больше уважать себя. Когда после Депрессии, в период Нового курса Рузвельта у желающих появилась прекрасная возможность найти работу, сначала полевели младшие по должности преподаватели. Затем, не желая от них отставать, полевели, и даже в еще большей степени, их старшие товарищи. А пострейгановский, посттэтчеровский электорат сместился вправо, следует к цели, определяемой только деньгами, и идет, увы, лишь в одном направлении. Пожинаем, так сказать, плоды собственного труда.

Мы, экономисты, любим цитировать последние строки вышедшей в 1936 г. «Общей теории» Кейнса – поскольку они льстят нашему тщеславию и чувству собственной значимости. Но нужно признать: сумасшедшие во власти способны *самостоятельно воспроизводить* свое безумие и вовсе не нуждаются в помощи ни покойных, ни нынешних экономистов. Сплошь и рядом продукция экономистов истеблишмента – только то, что и лидеры, и массы уже жаждали воспринять. Мы, экономисты, вовсе не пытаемся оставаться в высшей лиге, пропагандируя идеи какого-нибудь ученого чудака из прошлого.

Эта книга – действительно нечто большее, чем сумма ее частей. Она дает редкую возможность взглянуть на экономическую науку так, чтобы понять насколько личные мотивы и жизненный опыт выдающихся современных ученых определяют их научный вклад.

Предисловие

О целях и содержании этой книги

Уильям Барнетт

[1]

Интервью, вошедшие в сборник, дают уникальную возможность познакомиться с размышлениями ряда крупнейших экономистов мира, работа которых способствовала развитию современной экономической мысли. Особый характер сборнику придает источник этих интервью. Впервые они были опубликованы в весьма авторитетном, коллегиально рецензируемом журнале издательства Cambridge University Press *Macroeconomic Dynamics*, редактором которого я являюсь. Статьи в подобных научных журналах обычно рецензируются, что обязывает авторов публиковать только то, что считается приемлемым с точки зрения рецензентов и редакторов этих журналов. Эти ограничения делают невозможным спонтанное, ничем не скованное обсуждение, которое характерно для массовой прессы. Но именно публикация в этих профессиональных журналах особенно ценится учеными, поскольку она несет на себе печать одобрения коллег, а также соответствия высоким требованиям науки. Поэтому, издавая свои работы в таких журналах, ученые общаются друг с другом, и это вызывает уважение со стороны коллег.

Непосвященному может показаться странным, что даже мировым знаменитостям, лауреатам Нобелевской премии не разрешается обращаться в научном журнале к другим экономистам, не соблюдая ограничений, накладываемых коллегиальным рецензированием. Осознавая эту проблему, я ввел в *Macroeconomic Dynamics* постоянную рубрику, посвященную интервью^[2]. В каждом номере этого журнала публикуется не более одного интервью – во всех остальных отношениях это строго рецензируемый научный журнал. Но издающему журнал издательству – Cambridge University Press – было разъяснено, что интервью – это цитата и поэтому не может правиться рецензентами, младшими редакторами и редакторами, издателем или мной. Цитаты редактировать нельзя, так как это вопрос свободы слова и свободы печати.

С самого основания журнала интервьюерам и интервьюируемым сообщают о том, что они могут говорить в интервью все, что пожелают, хотя остальные материалы журнала коллективно рецензируются. В результате ведущие ученые в этой области получили возможность свободно высказываться по любым вопросам, которые они хотели бы обсудить со своими коллегами, включая личные, религиозные или политические. Персональные выпады, упреки в нечестности или предвзятости или в преследовании по религиозным или политическим мотивам, а также слишком резкие высказывания о политиках, представителях органов власти или о государственной политике, обычно не допускаемые на страницы специальных журналов, из этих интервью не вычеркиваются. Интервьюируемые вправе требовать их публикации. Ту эмоциональность высказываний, которая характерна для некоторых из этих интервью, невозможно найти в других экономических журналах. Из этих интервью ничего не вычеркнуто ни редакционным советом, ни Cambridge University Press, хотя в одном интервью¹ Cambridge University Press действительно не решилось полностью привести известное англосаксонское ругательство.

В эту книгу вошли интервью восьми нобелевских лауреатов (Василия Леонтьева, Роберта Лукаса, Франко Модильяни, Роберта Солоу, Милтона Фридмана, Пола Самуэльсона, Роберта Ауманна и Джеймса Тобина), двух управляющих центральных банков – Пола Волкера (экспрезидента Федеральной резервной системы США) и Стэнли Фишера (управляющего Банка Израиля), а также председателя Совета экономических консультантов США Мартина Фельд-

¹ Имеется в виду интервью Дэвида Касса. – Прим. пер.

штейна. Другие участники интервью входят в число будущих претендентов на Нобелевскую премию по экономике. Несмотря на широкую известность интервьюеров и интервьюируемых, столь объективный рассказ об их жизни и взглядах вы найдете только в этой книге или в тех интервью, что послужили ее основой и были впервые опубликованы в *Macroeconomic Dynamics*.

Ниже перечислены те не менее важные интервью, которые были также опубликованы в *Macroeconomic Dynamics* и которые планируется включить в готовящийся второй том этой книги наряду с другими еще не опубликованными интервью. Второй том будет не менее информативным, и обе книги позволят получить наиболее полное представление о взглядах самых влиятельных экономистов мира.

Интервью Аллана Мельцера Беннету Маккаллуму (*Macroeconomic Dynamics*, vol. 2, no. 2, 1998).

Интервью Элханана Хелпмана Дэниелу Трефлеру (*Macroeconomic Dynamics*, vol. 3, no. 4, 1999).

Интервью Уильяма Брока Майклу Вудфорду (*Macroeconomic Dynamics*, vol. 4, no. 1, 2000).

Интервью Карла Шелла Стивену Спиру и Рэндаллу Райту (*Macroeconomic Dynamics*, vol. 5, no. 5, 2001).

Интервью Аксея Лейонхуввуда Брайану Сноудону (*Macroeconomic Dynamics*, vol. 8, no. 1, 2004).

Интервью Анны Шварц Эдварду Нельсону (*Macroeconomic Dynamics*, vol. 8, no. 3, 2004).

Интервью Гильермо Кальво Энрике Мендоса (*Macroeconomic Dynamics*, vol. 9, no. 1, 2005).

Интервью Ассара Линдбека Торвальдуру Гильфасону (*Macroeconomic Dynamics*, vol. 10, no. 1, 2006).

Следуя высоким стандартам в нашей науке, мы попросили написать введение к этой книге одного из ведущих мировых авторитетов в области истории экономической мысли – Роя Вайнтрауба. Введение Вайнтрауба следует за этим предисловием. Кроме того, один из соредкторов этой книги, Пол Самуэльсон, написал к ней краткое, но очень содержательное вступительное слово (которое предшествует этому предисловию)^[3]. Чтобы показать, как много интересного содержится в этих интервью и каких нестандартных взглядов придерживаются собеседники, ниже коротко цитируются их наиболее оригинальные высказывания. Несмотря на то что эти цитаты приводятся вне контекста и не могут служить заменой полным текстам интервью, они дают представление о содержании этой важной и увлекательной книги.

Все собранные в книге интервью по тексту полностью совпадают со своими оригиналами, опубликованными в журнале *Macroeconomic Dynamics*, однако некоторые фотографии были опущены. Далее приводится ряд высказываний, которые можно найти в этой книге.

1. Интервью Василия Леонтьева Данкану Фоули

Василий Леонтьев, более всего известный как создатель одного из основных инструментов планирования – метода анализа «затраты-выпуск», получил Нобелевскую премию по экономике в 1973 г., будучи профессором Гарвардского университета. Он родился в России в 1905 г. Следующие цитаты показывают, что можно узнать из интервью о его жизни и взглядах:

Маркс не был хорошим математиком. Он все время путался в цифрах и выкладках, и в его трудовой теории стоимости далеко не все сходится.

Я уехал из Советского Союза в 1925 г. У меня действительно были проблемы с властями.

Ричард Гудвин был моим учеником... Он не мог найти постоянную работу, поэтому и уехал в Англию. Полагаю, все дело было в политике. Он был левым.

Отвечая на вопрос, каким он видит будущее экономической науки, В. Леонтьев сказал:

Думаю, значение проблем распределения доходов увеличится. Как я уже упомянул, труд не будет более так важен, и главным будет просто управлять системой. Люди будут получать доходы через систему социального обеспечения. Уже сейчас мы получаем их через социальное обеспечение и пытаемся придумать предлоги для оказания людям социальной помощи. Огромную роль при этом, полагаю, будет играть государство, и те экономисты, которые стараются ее минимизировать, боюсь, не совсем понимают, как работает экономическая система. Мне кажется, если бы мы сейчас упразднили государство, то наступил бы полный хаос... Это было бы ужасно.

Василий Леонтьев умер в 1999 г., через год после публикации его интервью в *Macroeconomic Dynamics*.

2. Интервью Дэвида Касса Стивену Спиру и Рэндаллу Райту

Дэвид Касс обогатил экономическую теорию ценнейшими идеями, включая идею «равновесия солнечных пятен», разработанную им вместе с Карлом Шеллом. Влияние Касса, а также Хирофуми Узава и Карла Шелла на экономику было столь велико, что это дало мощный толчок развитию всей экономической мысли. Главное, что обсуждалось в ходе этого интервью, – достижения этой науки. Когда я поступил в аспирантуру Университета Карнеги-Меллона, Касс там преподавал, но, к моему большому сожалению, вскоре ушел. По причинам, о которых говорится в этом интервью, он перешел в Университет штата Пенсильвания.

У Касса есть одна примечательная черта характера, хорошо известная его коллегам и наглядно проявившаяся в следующем эпизоде:

Нам нужно было пригласить нового декана. В [университете] Карнеги в этом процессе активно участвовал преподавательский состав... Мы согласились с кандидатурой Арни Вебера... и это обернулось и для университета, и для меня настоящей катастрофой... Арни вызвал меня в свой кабинет под каким-то предлогом и сказал, что я – предмет роскоши и делаю совсем не то, что нужно. Я занимаюсь экономической теорией, а этого школа бизнеса позволить себе не может. Он говорил со мной настолько вызывающе, что вывел меня из себя. Я ответил ему: «Да пошел ты..., Арни!»... Да, я так и сказал: «Да пошел ты...».

О лауреате Нобелевской премии Роберте Лукасе, преподававшем в то время в Университете Карнеги-Меллона, Касс говорит:

Боб был сторонником чикагской школы и придавал большое значение тому, что называлось эмпирической проверкой, и что, по правде говоря, не вызывало у меня никакой симпатии и интереса.

Внеся в теорию реального экономического цикла существенный вклад в виде модели Касса-Купманса, Касс, тем не менее, говорит:

...Беда в том, что теория реального экономического цикла превратилась сегодня чуть ли не в религию.

3. Интервью Роберта Лукаса-младшего Беннетту Маккаллуму

Роберт Лукас получил Нобелевскую премию по экономике в 1995 г., будучи профессором Чикагского университета. В своем введении к этому интервью Беннетт Маккаллум пишет:

Боба Лукаса многие считают наиболее влиятельным экономистом последних 25–30 лет, по крайней мере, из тех, кто занимается макроэкономикой и теорией монетаризма.

Из этой книги вы узнаете, что интерес к экономике в Лукасе, тогда еще семи-восьмилетнем мальчике, впервые пробудил его отец своими рассуждениями об организации перевозок молока при социализме. О своих аспирантских годах в Чикагском университете Лукас вспоминает следующее:

Когда я был аспирантом, отношение к любому планированию было в университете настолько отрицательным, что нас не учили думать, *как следует* распределить ресурсы в данной ситуации или *как* использовать имеющуюся информацию, чтобы сформировать ожидания. А ведь именно эти «как» и должны быть всегда первыми вопросами экономиста. Мой отец ошибался, считая, что при социализме молоко перевозилось бы эффективно, но он правильно думал о том, *как нужно* перевозить молоко.

Также он замечает:

Меня радуют успехи теории общего равновесия в макроэкономике, но огорчает то снижение интереса к деньгам, к которому привели эти успехи.

О значении технологических потрясений он говорит следующее:

Если мы обсуждаем американскую депрессию 30-х годов или депрессию в Индонезии сегодня или в Мексике пять лет назад, то я бы сказал, что технологические потрясения – лишь незначительная деталь всей картины. А вот в послевоенных Соединенных Штатах их роль была намного больше.

На вопрос, является ли инерционность цен важным экономическим феноменом, Лукас отвечает:

Да. На практике дефляция наносит современной экономике намного больший ущерб, чем это предсказывает имеющаяся у нас сегодня теория денег.

О денежно-кредитной политике Лукас говорит:

...Меня беспокоит та негативная динамика, которая также беспокоила Викселля, а позднее и Питера Хауитта.

Далее он замечает:

Я вовсе не утверждаю, что нестабильность денежно-кредитной системы не способна нанести большого урона, – просто в Соединенных Штатах за последние 50 лет она его не наносила.

О современной микроэкономике Лукас говорит:

В последние 15 лет микроэкономика для многих (но не в Чикагском университете!) стала синонимом теории игр, и это вызывает сожаление.

4. Интервью Яноша Корнаи Оливье Бланшару

Для многих экономистов Янош Корнаи – настоящий герой. Еще во время проживания в своей родной коммунистической Венгрии, он приобрел известность среди западных экономистов, несмотря на все препятствия и даже угрозу для его жизни. Оливье Бланшар в своем введении к этому интервью поясняет:

Эти трудности не помешали ему подвергнуть социалистическую систему такой обстоятельной критике, какой она не подвергалась до сих пор.

В настоящее время Корнаи работает как в Гарвардском университете, так и в Институте специальных исследований «Коллегиум Будапешт». В своем интервью он, в частности, рассказывает:

Одного из моих близких друзей не только арестовали, но судили и расстреляли. Арестованы были многие мои лучшие друзья. Меня объявили «предателем» социализма и уволили.

Я по-прежнему восхищаюсь Марксом как интеллектуальным гигантом; многие его идеи по-прежнему остаются полезными. Однако он был абсолютно не прав по ряду фундаментальных вопросов.

До 1963 г. мне не выдавали паспорта. Например, у меня на протяжении нескольких лет было постоянное приглашение от Лондонской школы экономики, но поехать в Лондон я не мог.

Говоря о своей ранней книге «Сверхцентрализация» и событиях, которые привели к ее созданию, Корнаи замечает:

Разочарование я впервые испытал в 1953 г., ...когда стали известны многие факты, о которых прежде умалчивали... Когда я узнал о многочисленных преступлениях системы (тюремные заключения, пытки и убийства невинных людей), мои самые искренние убеждения стали казаться наивными и постыдными. Также я начал осознавать, что с экономической точки зрения этот режим нефункционален и неэффективен, порождает дефицит и подавляет инициативу и спонтанность.

Он продолжает:

«Сверхцентрализация» привлекла внимание всего мира, так как была первой книгой гражданина страны социалистического блока, в которой он критиковал систему.

Далее он отмечает, что в предисловии ко второму изданию «Сверхцентрализации»...

...охарактеризовал Корнаи периода 1954–1956 гг. как «наивного реформатора».

О своей книге «Антиравновесие» он говорит:

Мне несколько обидно, что она осталась практически незамеченной. Первыми и чуть ли не единственными, кто уделил ей хоть какое-то внимание, были Эрроу и Купманс; затем она как-то затерялась... Сдается мне, что умение задавать правильные вопросы, по крайней мере, в нашей профессии, отнюдь не прибавляет вам репутации».

Рассказывая о своей книге «Экономика дефицита», он заявляет:

Нефункциональность социализма имеет системный характер... Я был не слишком похож на остальных так называемых реформаторов, которые добивались незначительных изменений в коммунистической системе. В этом смысле это книга революционна... Чтобы система стала функциональной, нужно изменить ее целиком».

Заговорив затем о своей книге «Социалистическая система», он отмечает:

Главной задачей здесь было показать, что классическая сталинская система, какой бы репрессивной и жестокой она ни была, была органичной, в то время как более либеральная полуреформированная система горбачевского типа таковой не была и легко поддавалась распаду. Я предсказал это распад.

О нынешней посткоммунистической Восточной Европе Корнаи говорит:

Думаю, что люди, принадлежавшие к элите прежнего социалистического режима, за редким исключением, окончательно забыли Коммунистический манифест, но у них есть немало друзей из прошлого. Сейчас эти связи имеют огромное значение в бизнесе, политике, культурной жизни. Люди, знавшие друг друга при старой системе, точно знают, кто им друг, а кто – враг.

5. Интервью Франко Модильяни Уильяму Барнетту и Роберту Солоу

Франко Модильяни получил Нобелевскую премию по экономике в 1985 г., будучи профессором MIT (Массачусетского технологического института). Это интервью у него взяли Нобелевский лауреат 1987 г. Роберт Солоу и я. Поскольку интерес к экономике во мне пробудили лекции, которые Модильяни читал аспирантам и которые я посещал, будучи еще студентом последнего курса MIT, я чувствовал особую ответственность за то, чтобы замечательная жизнь и заслуги Модильяни нашли в этом интервью адекватное отражение. Многие из заданных мной вопросов должны были развеять слухи, упорно ходившие среди студентов. Из интервью вы узнаете, насколько они были правдивы.

Модильяни покинул Италию вместе со своими родителями в период правления Муссолини. Он объясняет в своем интервью:

После войны в Эфиопии и вмешательства фашистских держав (Германии и Италии) в гражданскую войну в Испании мои антифашистские настроения становились все сильнее. Я решил уехать из Италии. Последнее, что меня подтолкнуло, был тесный союз Муссолини с Гитлером, который привел к принятию антисемитских законов и сделал невозможным проживание в Италии тех, кто желал сохранить уважение к себе.

Как довольно подробно объясняется в этом интервью, сначала семья переехала во Францию, а затем в США. Но Модильяни, чтобы защитить диссертацию, возвращался из Парижа в Рим, несмотря на фашистский режим:

Затея была далеко не безопасной, поскольку меня могли арестовать. Я поддерживал контакты с антифашистскими группами в Париже и поэтому рисковал угодить в тюрьму.

Он рассказывает, что во время пребывания в Риме у них с отчимом был особый условный сигнал опасности. Многие говорили, что Франко Модильяни – родственник знаменитого художника и скульптора Амедео Модильяни, но это оказалось только слухом.

Его первой работой в США стало преподавание в университете Новая школа в Нью-Йорке. Он получил предложение от Гарварда, но всем на удивление его отклонил, что сам объясняет следующим образом:

Отказаться от этого предложения меня упорно убеждал декан факультета, профессор Бербэнк, который, как я позже обнаружил, имел репутацию ксенофоба и антисемита.

Отвергнув предложение Гарварда, Модильяни перебрался в Иллинойский университет, где зарплата была выше, чем в Гарварде. О своих годах в Иллинойсе он вспоминает:

Ректор университета пригласил замечательного нового декана Говарда Боуэна. Но старые и некомпетентные преподаватели не могли смириться с тем, что Боуэн привел с собой талантливых людей. Они сумели выжить Боуэна, воспользовавшись «охотой на ведьм», развернувшейся в то время под руководством печально известного сенатора Джозефа Маккарти. Маккартистское крыло выборных попечителей возглавлял знаменитый футболист Ред Грейндж. Я испытал тогда такое отвращение, что хлопнул дверью. Местная пресса до сих пор вспоминает: «Наконец в Коммерческом колледже наступил покой, правда, сильно напоминающий

кладбищенский». Мой уход старые преподаватели встретили с радостью, прямо пропорциональной их некомпетентности. Однако 40 лет спустя этот университет сочтет необходимым присвоить мне почетную степень!

В этом интервью, данном незадолго до биржевого кризиса 2000 г., Модильяни сказал в том числе следующее:

Думаю, что фондовый рынок США в настоящий момент действительно представляет собой огромный пузырь, который вот-вот лопнет. Полагаю, курс акций завышен процентов на 25. Лично я ожидаю коллапса, поскольку если картина такова, измениться постепенно она не сможет».

В этом интервью он во всеуслышание сделал прогноз и оказался прав. Неудивительно, что один из учеников Модильяни, Роберт Шиллер, автор знаменитой книги «Иррациональное изобилие», назвал его «своим героем».

О Роберте Барро, который также был его учеником, Модильяни говорит следующее:

На мой взгляд, теорема Барро, несмотря на свою элегантность, бессодержательна. Не понимаю, почему столь многих убедило предположение, основанное на неправдоподобном допущении, что все люди заботятся о своем потомстве, как о самих себе.

Модильяни подразумевает идею Барро в отношении принципа эквивалентности Рикардо и соответствующую точку зрения на роль государственного долга. О денежно-кредитной политике и правиле Фридмана он говорит:

В борьбе между моей рекомендацией проявлять осмотрительность (или здравый смысл) и рекомендацией Фридмана пренебречь осмотрительностью и слепо подчиняться правилам... мой совет победил без каких-либо усилий. Сегодня ни одна страна мира не пользуется безоглядно правилом Фридмана.

Ф. Модильяни умер в 2003 г.

6. Интервью Милтона Фридмана Джону Тейлору

Милтон Фридман получил Нобелевскую премию по экономике в 1976 г., будучи профессором Чикагского университета. Алан Гринспен, бывший глава Федеральной резервной системы США, сказал о Милтоне Фридмане следующее:

Он повлиял на наши представления о денежно-кредитной политике и других важнейших экономических проблемах намного больше, чем кто-либо из живущих во второй половине двадцатого столетия.

О «Великой инфляции» 70-х годов Фридман заявлял:

Думаю, во многом виноват Артур Бёрнс... С момента его появления в Федеральной резервной системе большую роль в происходящем стала играть политика. Для Никсона она, безусловно, имела значение – я знаю это из личного опыта. Я встречался с Никсоном, думаю, году в семидесятом или в семьдесят первом... Он хотел, чтобы я убедил Артура [Бёрнса] поскорее увеличить количество денег в обращении [смеется], а я сказал президенту: «Вы действительно этого хотите? Ведь в результате вы останетесь с еще большей инфляцией – если, конечно, вас переизберут». И он ответил: «Об этом мы будем думать, когда нас переизберут». Типичная картина. Нет никаких сомнений, что именно было важно для Никсона.

В связи с этим могу сказать, что я сам работал в Совете управляющих Федеральной резервной системы с июля 1973 по декабрь 1981 г., т. е. в том числе в период председательства Бёрнса. Также я встречался с ним, по его просьбе, в Американском институте предпринимательства уже по окончании срока его полномочий в Совете. Он сказал, что действительно заслуживает во многом порицания, но дело было вовсе не в политическом давлении. Он утверждал, что заблуждался совершенно искренне, так как не понимал, что естественный уровень безработицы становился выше. Результатом этого непонимания, по его словам, стала плохо организованная попытка снизить безработицу до такого низкого уровня, который невозможно было бы сохранить. Конечно, если бы Белый дом действительно оказывал на Бёрнса политическое давление, то вряд ли он мне бы в этом признался.

О Никсоне в интервью Фридман говорит:

Коэффициент интеллекта у него был выше, чем у Рейгана, но он был гораздо более беспринципным. Он был политиком до мозга костей.

Фридман вспоминает, что когда Бёрнс был аспирантом,

...он жил в Гринич-виллидже. У него были длинные волосы и длинные ногти. И, знаете, характер у него был вовсе не такой, каким стал потом.

О своих взглядах в годы учебы в университете Фридман говорит:

Возможно, я даже охарактеризовал бы себя как социалиста.

На вопрос об использовании математики в экономике Фридман отвечает:

Повторю то, что сказал об экономике Альфред Маршалл: переведите свои результаты на английский язык, а потом сожгите математические расчеты.

Отвечая на вопросы о перспективах единой европейской валюты, Фридман замечает:

Думаю, это было бы чудом, хотя, пожалуй, чудо – это сказано слишком сильно. Полагаю, что эта затея вряд ли будет иметь большой успех.

Также в этом интервью Фридман сказал:

Курс евро в настоящее время занижен; а американского доллара – завышен... Евро по отношению к доллару вырастет, а доллар – упадет.

Так оно и случилось.

7. Интервью Пола Самуэльсона Уильяму Барнетту

Пол Самуэльсон получил Нобелевскую премию по экономике в 1970 г., будучи профессором МИТ. Я сам учился в МИТ с 1959 по 1963 г. У студентов всех специальностей в институте было два кумира, совершенно затмивших собой остальных преподавателей: великий математик Норберт Винер и великий экономист Пол Самуэльсон. В МИТ, где все штатные профессора – всемирно известные ученые, затмить собой остальных могли только самые выдающиеся ученые своего времени.

Думаю, что мощный интеллект Самуэльсона и в наши дни пугает многих экономистов. К моему удивлению, найти экономиста, который согласился бы взять у него интервью, оказалось нелегко. В конце концов, я нашел такого (В.В. Чари из Миннесотского университета). Но обратно он летел на самолете, в аэропорту ленты с записью интервью пропустили через сканер для досмотра багажа. Рентгеновские лучи уничтожили запись. В результате вместо того, чтобы искать другого желающего, я провел интервью сам. И получил незабываемые впечатления.

В течение всей своей карьеры Пол Самуэльсон делал в среднем по одной работе в месяц. Однажды он сказал:

Пусть тот, кому хочется, пишет законы для этой страны – пока я могу писать для нее учебники.

Широко известен факт: когда защита Самуэльсоном диссертации в Гарварде подходила к концу, великий экономист Йозеф Шумпетер повернулся к [будущему] нобелевскому лауреату Василию Леонтьеву и спросил: «Ну что, Василий, мы уже в прошлом?»

По поводу интерпретации Кейнса Лейонхуфвудом Самуэльсон в интервью отмечает: «Я знал, что она неверна».

Из интервью вы также узнаете точку зрения Самуэльсона относительно «беспрецедентного рейгановского бюджетного дефицита».

Вспоминая своего первого преподавателя экономики, Аарона Директора, Самуэльсон замечает:

Он был единственным из ныне живущих, кто мог назвать Милтона Фридмана своим абсолютным единомышленником.

Самуэльсон вспоминает о том, как в годы Депрессии был студентом и одним из его преподавателей был Фрэнк Найт:

В то время выбирали только между коммунизмом и фашизмом. Сам Найт ни за что бы не выбрал последний. Позже, конечно, он оправился от этого состояния и отрекся от своего широко растиражированного текста. Где-то в моем архиве до сих пор хранится экземпляр его заявления, предрекавшего гибель демократии.

Рассказывая о своем обучении в Чикагском университете, он отзывается об экономическом факультете как о «догматически-консервативном». Аспирантуру он заканчивал уже в Гарвардском университете, и об этом периоде он замечает:

Накануне Второй мировой войны вся научная жизнь здесь и за рубежом была проникнута антисемитизмом.

О своих преподавателях в Гарварде Самуэльсон говорит следующее:

Гитлер (и Ленин) немало сделали для американской науки. Леонтьев, Шумпетер и Хаберлер вернули Гарвард к жизни после периода застоя.

Он продолжает, что по завершении учебы,

...когда MIT сделал мне хорошее предложение, мы подумали: это поможет проверить, так ли уж в Гарварде хотят, чтобы я остался. Когда выяснилось, что большинство на этом вовсе не настаивают, мы переехали на три мили вниз по реке Чарльз.

Характеризуя свое влияние на Белый дом в период президентства Кеннеди, Самуэльсон замечает:

Завербовать себя в группу его советников я позволил сенатору Джону Ф. Кеннеди крайне неохотно... И я вступал в бой только тогда, когда им требовалась поддержка «тяжелой артиллерии из Кембриджа».

По поводу глобализации Самуэльсон говорит:

Доказано, что торговля позволяет избежать массовой эмиграции из бедных стран в богатые. Американцы утратили традиционную монополию на передовые технологии и капитал... Свободной торговле не нужно помогать *всем и везде*... Сегодня любая, даже незначительная победа профсоюза приближает день, когда промышленность переберется за рубеж... Подавляемая рабочая сила вряд ли будет функционировать в новых условиях безжалостного корпоративного управления.

Учитывая вышесказанное, вы, наверное, уже не удивитесь, когда прочтете:

В качестве ведущего рубрики я опубликовал – с месячным интервалом – наверное, несколько тысяч газетных и журнальных статей.

8. Интервью Пола Волкера Перри Мерлингу

В 1975–1979 гг. Пол Волкер был президентом Федерального резервного банка Нью-Йорка, а в 1979–1987 гг., при Картере и Рейгане, – председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы.

Об отношении Артура Бёрнса к приостановлению конвертируемости доллара в золото Волкер говорит:

Бёрнс ничего такого делать не хотел. Он не соглашался до самого конца. Не думаю, что у него были какие-либо осуществимые идеи по реформированию системы, если не считать того, что он, похоже, думал о возможности договориться об изменении цены на золото, не приостанавливая конвертируемость.

О собственных переживаниях в период этой вынужденной реформы он говорит:

Эту печальную историю я запомнил надолго... В переговорах о реформировании системы я представлял американскую сторону. Не знаю, насколько мы действительно были близки к соглашению. Было очень трудно. Однако к моменту заключения соглашения резкий рост цен на нефть был использован в качестве предлога для прекращения переговоров.

Я сам работал в Совете управляющих Федеральной резервной системы почти все годы «монетаристского эксперимента» – с 1979 по 1982 г., и для меня было совершенно ясно, что Волкер вполне искренне стремился обуздать с помощью монетаристской политики ту измывавшуюся двузначными цифрами инфляцию, которая наблюдалась в конце 70-х. Но когда эта политика привела к рецессии, среди монетаристов того времени стало модно говорить, что на самом деле Совет не проводил монетаристскую политику, а только говорил о ней и использовал как прикрытие для продолжения прежней политики. Я никогда не соглашался с подобной интерпретацией, и Волкер в этом интервью объясняет, что же действительно произошло:

Мне больно слышать, как некоторые члены Совета, встретившие с таким энтузиазмом смену курса, говорят: «А разве это не просто пиаровский трюк с целью избежать обвинений в связи с повышением процентных ставок?» Я никогда не считал это трюком, но многие думали, что, в общем, так оно и было. Тогда часто говорили, что мы просто хотели создать дымовую завесу.

Касаясь цели введения в этот трехлетний период контроля за темпом роста денежной массы, Волкер далее поясняет:

В тех условиях волатильной инфляции у нас не было другого хорошего ориентира, позволяющего определить, на сколько мы можем повысить процентные ставки.

По поводу введения денежно-кредитного контроля Волкер замечает:

В начале 70-х был принят закон, который привел в замешательство президента Никсона, – дающий президенту право требовать введения денежно-кредитного контроля. Предусматривалась двухэтапная процедура. Президент мог потребовать введения контроля, но осуществлять контроль должна была Федеральная резервная система. И вот Картер решил, что и ему необходим такой контроль. Мне эта идея не понравилась... Но президент хотел что-нибудь сделать... И я сказал в Совете: «Давайте, чтобы выполнить эту просьбу или требование, введем какой-то кредитный контроль, но пусть

он будет минимальным»... В принципе Совету вообще не следовало ничего делать... Система потребления просто рухнула... Мы отменили этот контроль, как только смогли.

Высказывая мнение о том, что лучше: сделать валютные курсы плавающими или ввести со временем единую международную валюту, Волкер замечает:

Для многих стран, особенно небольших и открытых, плавающая валюта создаст такие проблемы, которые перевесят преимущества, связанные с проведением независимой денежно-кредитной политики... Нам нужно придумать такой действительно международный стандарт, который сможет играть роль, выполняемую ранее золотом.

О дерегулировании Волкер говорит следующее:

Возможные последствия дерегулирования финансовой сферы волновали меня всегда... Когда в 1960-е я работал в министерстве финансов, Райт Патман, популист из Техаса и председатель Комитета по банковскому делу и валюте Палаты представителей, в одной из своих речей пожаловался на то, что у нас слишком мало банковских крахов, и слишком редко принимаются рискованные решения. Что ж, этот недостаток мы исправили!

Следующее высказывание Волкера раскрывает его отношение к современному управлению рисками:

Вся концепция покоится на идее кривых нормального распределения, но когда наступает финансовый кризис, никакого нормального распределения быть не может.

О Центральном банке России, он говорит:

Его репутации большой ущерб нанесли обвинения, возможно, и необоснованные, в коррупции в ее самых вопиющих формах.

Интересно, что это интервью было получено после довольно любопытной переписки. В августе 1999 г. я послал Полу Волкеру письмо с просьбой дать интервью для публикации в *Macroeconomic Dynamics*. В письме от 5 января 2000 г. он ответил мне согласием, но сделал следующую приписку:

Извините, что долго не отвечал. Возможно, мне помешала моя аллергия на «денежные агрегаты Divisia»^[4].

Понять причину его колебаний нетрудно. В конце 70-х, когда я работал в Совете управляющих Федеральной резервной системы (в секции специальных исследований), я предложил использовать денежные агрегаты Divisia. Во время «монетаристского эксперимента» 1979–1982 гг. мои показатели росли вдвое медленнее официальных простых денежных агрегатов. Я неоднократно говорил, что официальные денежные агрегаты неточно отражают ограничительный характер проводимой политики, и что эта политика приведет к рецессии. Возможно, рецессия, которая наступила, как я предупреждал, и была причиной аллергии Волкера. Впоследствии я опубликовал эти данные и материалы в своей статье в журнале Американской статистической ассоциации *American Statistician*. Когда я отправил свою статью в этот журнал, его редактор Гэри Кох отдал ее на рецензию сразу шести рецензентам. Он сообщил мне по телефону о своих опасениях, связанных с тем, что после публикации моих результатов редакция будет завалена письмами недовольных читателей. Я заверил его, что те, кто посылают такие письма, вряд ли читают его журнал. Эта статья опубликована в моей книге (1984 г.). Но было и кое-что еще. После того, как экономика оправилась от рецессии (а я оставил Совет, чтобы

преподавать в Техасском университете), произошел резкий скачок в простых денежных агрегатах, а в моих показателях Divisia – нет. 26 сентября 1983 г. главный «монетарист» Милтон Фридман в своей статье на целую полосу в журнале *Newsweek* написал:

Взрывной рост денежной массы в июле 1982 – июле 1983 г. не оставляет нам никакой возможности найти приемлемое решение... В результате обязательно произойдет новый виток стагфляции – рецессия в сочетании с ростом инфляции и высокими процентными ставками... Неопределенность заключается лишь в том, когда эта рецессия начнется.

Но *в тот же самый день*, 26 сентября 1983 г., я сказал в своей статье на целую полосу в журнале *Forbes*:

Люди напрасно паникуют по поводу роста количества денег в обращении в этом году... Темп роста агрегатов Divisia не сильно отличается от прошлогоднего... «Явный взрывной рост» можно считать статистическим всплеском.

Стагфляция так и не началась, как и было предсказано в опубликованном мною анализе. А монетаристы и по сей день не оправились от этого дважды произошедшего публичного посрамления. Рассказ об этих событиях и посвященные им материалы можно найти в моей книге (1997)^[5].

9. Интервью Мартина Фельдштейна Джеймсу Потерба

Мартин Фельдштейн два года был председателем Совета экономических консультантов при Рональде Рейгане, оставив ради этого преподавание в Гарвардском университете. В предисловии к этому интервью Джеймс Потерба отмечает:

Он часто предупреждал о той цене, которую придется в конечном счете заплатить за большой бюджетный дефицит, хотя у политиков эта точка зрения была крайне непопулярной.

Далее Потерба говорит:

В своей лекции в 1995 г. для Американской экономической ассоциации он обратился к ученым-экономистам с настойчивым призывом проанализировать предложения по реформе системы социального обеспечения и тем самым положил начало весьма активному осуждению политики, развернувшемуся во второй половине этого десятилетия.

В Гарварде у Фельдштейна было более 60 аспирантов, а с 1977 г. он является президентом Национального бюро экономических исследований. В 1992 г. его избрали президентом Американской экономической ассоциации.

Отвечая на вопрос о своих исследованиях в области американского здравоохранения, он замечает:

[В отрасли] наблюдалась такая динамика: чем выше цена, тем сильнее стремление к страхованию, а чем больше объемы страхования, тем выше цена рыночного равновесия... Мои оценки говорили о том, что существующая система недалеко от взрыва, и потребуется какая-то внешняя сила, чтобы остановить рост относительных расходов на медицинское обслуживание... Увеличение доли этих расходов, оплачиваемой самим пациентом, улучшило бы функционирование рынка здравоохранения.

Вспоминая о том, как в 1982–1984 гг., в период президентства Рональда Рейгана, он был председателем Совета экономических консультантов, Фельдштейн говорит:

Очень скоро стало ясно, что бюджетный дефицит будет для нас колоссальной проблемой.

Из этого интервью вы также узнаете о том, что Мартин Фельдштейн раз в неделю завтракает с Полом Волкером.

10. Интервью Кристофера Симса Ларсу Петеру Хансену

Крис Симс – член Национальной академии наук, одно время он также был президентом Эконометрического общества. Симс внес весомый вклад в современную эконометрику своими работами по методологии анализа многомерных временных рядов.

На мой взгляд, работа Симса 1971 г. – одна из самых блестящих публикаций по эконометрике и статистике. Сам Симс рассказывает о ней следующее:

Поскольку работа по бесконечномерным пространствам по своей тематике отличалась от того, что обычно появлялось в экономических журналах, я послал ее в журнал *Annals of Mathematical Statistics*... Его редактор написал мне: «Извините, что прошло столько времени. Мне никак не удавалось найти хоть какого-нибудь рецензента. Прилагаю заключение рецензента». Рецензент писал: «О чем эта работа, я на самом деле так и не понял, но проверил некоторые теоремы и, похоже, они верны, так что, думаю, нам следует ее опубликовать».

Говоря о прикладной эконометрике, он, в частности, отмечает:

...технические условия, в которых отклики на предполагаемые нарушения денежно-кредитной политики, явно абсурдны, чаще всего не заявляются. У некоторых это вызывает определенное беспокойство.

Также он говорит:

Специалисты по эконометрике не сумели справиться с проблемами субъективной оценки, являющимися ключевыми в моделировании макроэкономической политики.

Отвечая на вопрос о своем отношении к моделям макроэкономической политики, Симс заявляет:

Сегодня эти модели находятся в плачевном состоянии.

11. Интервью Роберта Шиллера Джону Кэмпбеллу

Своей широкой известностью Роберт Шиллер обязан своей знаменитой книге «Иррациональное изобилие», в которой ему поразительно точно удалось предсказать раздувание «мыльного пузыря» на фондовом рынке, который лопнул очень скоро после публикации этой книги. Книга вышла в свет в марте 2000 г., когда рынок был на подъеме. Как он поясняет в этом интервью, книга была написана «с головокружительной скоростью». В своем интервью Шиллер говорит:

Одно из величайших заблуждений в истории экономической мысли состоит в том, что любое изменение на фондовом рынке имеет разумное объяснение...

Далее он отмечает:

Модель ожидаемой приведенной стоимости для агрегированных курсов акций просто вопиюще неверна.

Из этого интервью вы узнаете о влиянии, которое оказали на его взгляды его супруга Джинни, психолог, и ее коллеги. Обсуждая в целом роль экономистов, Шиллер замечает:

Выбирая себе направление исследования, экономисты поддаются стадному чувству, и тот, кто не прельстится общими темами, может многое выиграть.

12. Интервью Стэнли Фишера Оливье Бланшару

С мая 2005 г. Стэнли Фишер руководит Банком Израиля. Его интервьюировал профессор экономики МПТ Оливье Бланшар. Интервью проводилось во время их совместной пробежки по нью-йоркскому Центральному парку. Ранее Стэнли Фишер был главным экономистом Всемирного банка, первым заместителем главы Международного валютного фонда, президентом Citigroup International и профессором экономики МПТ. По словам Оливье Бланшара, еще преподавая в МПТ, Стэнли Фишер «...практически приобрел статус гуру», а теперь превратился во «властелина вселенной и VIP-персону мирового масштаба». Из этого интервью вы узнаете о юных годах Стэнли Фишера, проведенные им в Южной Родезии, которая теперь называется Зимбабве.

В частности, в интервью он говорит:

Когда я был студентом, этим великим человеком был Даг Хаммаршёльд². Потом его убили – совсем рядом, в Конго, которое было тогда бельгийской колонией. Я знал, что он сделал для людей много хорошего, а мои родители воспитали меня так, что я тоже хотел приносить людям пользу. Я понял, что приносить людям пользу мне поможет экономика... Наверное, это и двигало мной все это время.

² Генеральный секретарь ООН, погибший в Африке в 1961 г. – *Прим. пер.*

13. Интервью Жака Дреза Пьеру Дез и Омару Ликандро

Жак Дрез – один из самых известных и высокоуважаемых европейских экономистов, заслуживший признание по обе стороны Атлантики за вклад в развитие истории экономической мысли и других направлений экономической науки. Защитив в 1958 г. диссертацию в Колумбийском университете, Дрез основал знаменитый бельгийский центр экономических исследований – Центр исследования операций и эконометрики. Звания почетного доктора его удостоили 15 университетов по обе стороны Атлантики. Из интервью вы узнаете о лувенско-байесовской школе, совместном бельгийско-французском исследовании по общему рыночному равновесию в условиях негибких цен и рациионирования, а также о других направлениях экономических исследований и политики, известных в США не так хорошо, как в Европе.

Особый интерес представляет его высказывание о политическом влиянии экономистов в США и в Европе:

Принято считать, что в Европе экономисты менее влиятельны, чем в Соединенных Штатах. Два замечания по этому поводу. Во-первых, в Европе нет ни одного экономического органа, сопоставимого с американским правительством. Почему? Потому что Европа – это союз, конфедерация государств, поэтому полномочия на уровне всего союза ограничены; процесс принятия решения на этом уровне сложен и имеет ограничения. Экономические советники Комиссии не участвуют в работе принимающего решения органа, т. е. в Совете министров. В США, напротив, главный экономический советник присутствует на заседаниях правительства, на которых принимаются решения. Поэтому лишних звеньев при передаче информации здесь нет; экономический советник находится прямо на месте событий. Кроме того, в Соединенных Штатах правительство имеет гораздо больше прямых полномочий, чем Совет министров в Европе. В связи с этим в Европе экономические советники влияют на принимаемые политические решения намного меньше, чем в Соединенных Штатах.

14. Интервью Томаса Сарджента Джорджу Эвансу и Сеппо Хонкапохья

Как книга Самуэльсона «Основы экономического анализа» математизировала неоклассическую микроэкономику и научила целое поколение экономистов точному микроэкономическому анализу, так книги Сарджента математизировали современную макроэкономику и обучили целое поколение экономистов точному макроэкономическому анализу. Сказанное Сарджентом в этом интервью отличает та же пронизательность которая характерна для всех его опубликованных работ.

Например, по поводу развития метода калибровки в эмпирических экономических исследованиях и его связи с теорией статистики Сарджент замечает следующее:

Метод калибровки может дать менее удачные результаты, поскольку вы прибегаете к нему, только если не доверяете полностью своей модели, или думаете, что ваша модель выбрана отчасти или совершенно неправильно, или же доверяете модели и набору данных кого-то другого больше, чем собственным. Помню, поначалу Боб Лукас и Эд Прескотт были очень увлечены эконометрикой, в основе которой лежала теория рациональных ожиданий. Ведь она просто предполагала предъявление к нам самим тех высоких требований, за несоблюдение которых мы критиковали кейнсианцев. Но после того как Боб Лукас и Эд Прескотт лет пять оценивали модели рациональных ожиданий по критерию отношения правдоподобий, они оба сказали мне, что этому критерию не удовлетворяют слишком много хороших моделей. Идея калибровки состоит в том, чтобы игнорировать одни результаты вашей модели и сохранить другие. Калибровка задумывалась как сбалансированный ответ на утверждение, что ваша, пусть и неверная, модель все равно является ценным инструментом количественного анализа политики.

Далее он говорит:

В 80-е гг. в некоторых случаях имело смысл сказать: «Максимизировать функцию правдоподобия слишком сложно, а, кроме того, если мы это сделаем, то выплеснем нашу модель вместе с водой». В этом веке возможности сказать эту фразу стало меньше.

О Нейле Уоллесе Сарджент замечает:

Нейл думает, что модели предпочтения ликвидности бесполезны, и не воспринимает ограничений, связанных с этими моделями. Что для Нейла может быть хуже, чем модель предпочтения ликвидности с таким ограничением? Только модель с *двумя* подобными ограничениями.

Далее Сарджент сообщает:

Нейл попросил меня убрать его фамилию со всех работ, написанных нами совместно, за исключением той, которая посвящена товарным деньгам, — на мой взгляд, не самой лучшей.

Конечно, фамилия Уоллеса так и осталась на всех этих работах. О соавторстве с ним Сарджент рассказывает следующее:

Прочитав введение к одной из наших статей в *JPE (Journal of Political Economy)*, Боб Лукас сказал мне, что, наверное, ни один рецензент не смог бы

сказать о нашей работе ничего более уничижительного, чем то, что написали мы сами. И эти критические слова были написаны Нейлом.

15. Интервью Роберта Ауманна Серджиу Харту

Роберт Ауманн получил Нобелевскую премию по экономике в 2005 г., будучи профессором Иерусалимского университета, за месяц до того, как его интервью появилось в *Macroeconomic Dynamics*. Многие считают его одним из самых блестящих математиков мира, идущим в авангарде развития экономической теории игр. Ауманн родился в Германии, получил образование в США, но постоянно проживает в Израиле и исповедует ортодоксальный иудаизм. Свою первую диссертацию (по алгебраической топологии) он защитил в МИТ, а вторую – в Принстоне. В своем интервью он рассказывает:

Вообще-то интерес к математике появился у меня еще в средней школе, в йешиве раввина Якоба Йозефа (еврейской дневной школе), находившейся в восточной части Нью-Йорка... Закончив школу, я долго выбирал, что изучать: Талмуд или светские предметы в университете. Какое-то время я делал и то, и другое. Это продолжалось один семестр, а потом мне стало трудно, и я принял нелегкое решение бросить йешиву и заняться математикой.

Говоря о своем обучении и исследованиях в аспирантуре МИТ, Ауманн замечает:

Теория узлов, как и теория чисел, была абсолютно, абсолютно бесполезной. Этим меня узлы и привлекли... Пятьдесят лет спустя «абсолютно бесполезную», «чистейшую» теорию преподают на втором курсе медицинских вузов.

О конференции 1961 г. он вспоминает следующее:

Киссинджер говорил о применении теории игр в дипломатии холодной войны... Тогда люди действительно думали, что наступает конец света.

Говоря о Карибском кризисе, Ауманн замечает:

Кеннеди был под влиянием теории игр... Ее идеи пропагандировали Киссинджер и Герман Кан³. Теперь ему ставят в заслугу то, как он вел себя во время [Карибского] кризиса; вот уж поистине – чтобы узнать вкус пирога, нужно его съесть.

Говоря о «рациональности», Ауманн замечает:

Большая ошибка говорить, что война иррациональна... Объявляя все зло в мире иррациональным, мы отказываемся принимать против него какие-либо меры. Зло необязательно иррационально – оно может быть и опасным, и рациональным. Говорить, что война иррациональна, – весьма ошибочно... Игнорируя ее как нечто иррациональное, мы не решим эту проблему.

Отвечая на вопрос о своем отношении к религии, Ауманн заявляет:

Религия очень отличается от науки. Главное в религии – не то, как мы моделируем реальный мир... Религия – это опыт, главным образом, эмоциональный и эстетический... Когда вы играете на пианино, занимаетесь скалолазанием, противоречит ли это вашей научной деятельности? Не противоречит; это просто лежит в другой плоскости... В науке мы думаем о мире определенным образом, в религии – по-другому. Эти две вещи сосуществуют, никак не конфликтуя.

³ Американский футуролог, директор и основатель Гудзоновского института. – *Прим. пер.*

Вспоминая, как в 1930-е гг. его семья покинула Германию, Ауманн, в частности, говорит:

Мы уехали в 1938 г. Вообще-то мы хотели сделать это еще в 1933 г., когда к власти пришел Гитлер, но по какой-то причине не сделали. Моих родителей убедили, что все не так плохо, все будет в порядке, все утрясется. Немцы не позволят командовать такому сумасшедшему и т. д. и т. п. Знакомая история. Но она показывает, что когда находишься в самой гуще событий, предвидеть будущее очень нелегко. Это сейчас все очевидно, а тогда, в разгар кризиса, все было непонятно.

Подобным образом Ауманн комментирует события Шестидневной войны 1967 г.:

Это теперь нам ясно, что в этом конфликте Израиль должен был победить. Но в то время было совсем не очевидно, что Израиль выстоит... Премьер-министр Эшколь был очень встревожен. Выступая по радио, он запинался, его волнение было таким явным, таким осязаемым... Во время этого кризиса здесь был Герб Скарф⁴. Когда недели за две до начала войны он уезжал, и мы прощались, мы оба думали, что, возможно, уже больше не увидимся.

По другому поводу он замечает:

Бихевиористская экономика, а именно как она осуществляется на практике, вызывает у меня серьезные сомнения. Сегодня *подлинная* бихевиористская экономика – это эмпирическая экономика. Эмпирическая экономика – это и есть бихевиористская экономика. Когда вы занимаетесь эмпирической экономикой, вы наблюдаете, как ведут себя люди в реальной жизни.

⁴ Скарф, Герберт, профессор экономики Йельского университета. – *Прим. пер.*

16. Интервью Джеймса Тобина и Роберта Шиллера Дэвиду Коландеру

Джеймс Тобин получил Нобелевскую премию по экономике в 1981 г. – в то время он был профессором Йельского университета. Это совместное интервью Джеймса Тобина и Роберта Шиллера в Йеле отличалось от других, опубликованных в *Macroeconomic Dynamics*, и было в журнале названо не интервью, а диалогом. Обычно интервьюировали одного человека, и речь шла о работе и жизни именно этого экономиста. Данное интервью имело форму беседы двух людей и ведущего – на конкретную тему, а именно: «Йельская школа экономики». Первую скрипку в диалоге явно играл Тобин, но интересно сравнить шиллеровский фрагмент этого интервью с интервью Томаса Сарджента. Интервью Шиллера и Сарджента во многом отличаются, но оба дают глубокое, запоминающееся и явно различное представление о современной макроэкономике.

Похоже, что участники диалога больше симпатизируют фридмановскому направлению консервативной чикагской школы, чем более поздней концепции реальных экономических циклов. Отвечая на вопрос ведущего: «Что вы думаете о теоретиках реального экономического цикла?», Тобин говорит:

Ну, это просто враги... Это те, с кем мы боремся все эти годы. Это практически повторение конфликта между самим Кейнсом и экономистами, которых он считал классиками.

Он продолжает:

«Представители неоклассической школы и сторонники теории реального экономического цикла придерживаются гораздо более крайних взглядов, чем люди, с которыми в свое время не соглашался Кейнс, но это все тот же спор. Как ни странно, идеи Пигу были гораздо более разумными и заслуживающими доверие, чем идеи Лукаса и некоторых других неоклассиков.

Шиллер в этом диалоге говорит:

Йельская школа должна считаться политически намного более либеральной, чем консервативная чикагская... Каким нам видится Тобин? Мне он представляется человеком высокой морали, относящимся к другим с подлинным сочувствием. Это означает, что он видит, как страдают люди, и хочет это исправить. И такое впечатление он производит в большей мере, чем многие экономисты.

Джеймс Тобин умер в 2002 г.

Литература

Barnett, W.A. (1984) Recent monetary policy and the Divisia monetary aggregates. *American Statistician* 38, 165–172. Reprinted in W.A. Barnett & A. Serletis (eds.) (2000) *The Theory of Monetary Aggregation*, Ch. 23, pp. 563–576. Amsterdam: Elsevier.

Barnett, W.A. (1997) Which road leads to stable money demand? *The Economic Journal* 107, 1,171–1,185. Reprinted in W.A. Barnett & A. Serletis (eds.) (2000) *The Theory of Monetary Aggregation*, Ch. 24, pp. 577–592. Amsterdam: Elsevier.

Keynes, J.M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. New York: Harcourt, Brace & World.

Lucas, R.E. (2000) Inflation and welfare. *Econometrica* 68(2), 247–274.

Sims, C. (1971) Distributed lag estimation when the parameter space is explicitly infinite-dimensional. *Annals of Mathematical Statistics* 42, 1622–1636.

Введение к истории мысли

Экономисты беседуют с экономистами – с точки зрения историка

Рой Вайнтрауб

Результатом затеянного редактором *Macroeconomic Dynamics* Уильямом Барнеттом масштабного и долгосрочного проекта стал ряд интервью, которые одни выдающиеся экономисты дали другим, хорошо информированным о научной деятельности интервьюируемых. Таким образом эта книга – сборник бесед и об экономике, и о жизни экономистов, о том, как вообще сегодня живет и работает сообщество ученых, занимающихся общественными науками.

У этой книги есть одна особенность. Хотя она и предоставляет читателю редкую возможность присутствовать при беседах выдающихся людей и больше узнать об этих знаменитостях, сама по себе это еще не история экономической науки, хотя так и кажется, что собеседники говорят для истории. И все же есть различие между тем, что считают важным для истории историки экономической науки, а что – ученые-экономисты. Интервьюируемые пытаются дать свою, небеспристрастную версию исторических событий, такую, в которой они сами играли бы видную роль^[6], и то, что их интервьюирует бывший ученик или нынешний коллега, старший или младший, только усугубляет проблему. Я говорю «проблему», так как «ученых-экономистов и историков обычно интересуют разные вещи в прошлом, и они хотят использовать свою историю в разных целях и соответственно выбирают себе источники и пишут соответствующие статьи и доклады» (Хьюз, 1997, с. 26). Это хорошо понимают историки науки и, в меньшей степени, сами ученые. Большинство экономистов понимают это не так хорошо:

Есть две основные причины для беспокойства. Во-первых, существует проблема спорной интерпретации и сложности проведения исторического анализа, когда имеешь дело с тем, что вполне может оказаться старой актерской байкой (к тому же рассказываемой в беседе между двумя, возможно, враждующими актерами)... [Во-вторых], встречаются ученые, желающие сохранить на свою историю особые права, и потому не терпят никаких отклонений от «официальной» (героической, событийной или популярной) версии (там же, с. 27).

Обе эти проблемы всплывают в беседах. Первую иллюстрирует тот фрагмент интервью Милтона Фридмана, где речь идет о его работе во время Второй мировой войны в Группе статистических исследований. Здесь Фридман высказывает мнение, что идеи экономистов в области оптимизации повлияли на формирование взглядов военных, в то время как многие пишущие об этом периоде историки считают, что причину и следствие здесь нужно поменять местами. А в качестве забавного (по крайней мере, для меня) примера второй проблемы я бы отметил то место в интервью Пола Самуэльсона, где он риторически вопрошает, не будет ли его понимание собственных работ на какую-нибудь тему по биологии по-новому интерпретировано «будущими Филипами Мировски и Роями Вайнтраубами».

Однако беспристрастное обсуждение может приводить к эмоционально непростым ситуациям:

Кроме того, для некоторых ученых история – столь ценный источник, что если история не оправдывает или не узаконивает науку так или иначе, то она ее практически делегализирует (а иногда и «подрывает»), а это может породить

глубокую враждебность к профессиональным историкам науки и их писаниям (там же, с. 28).

Некоторые из этих проблем дают о себе знать в интервью Роберта Ауманна, где говорится, что многое в теории игр было разработано математиками и экономистами для использования в условиях «холодной войны». Это, а также, в случае Ауманна, и явная связь между потребностями министерства обороны Израиля и наличием в этой стране множества специалистов по теории игр, опровергают аксиому о политической беспристрастности ученого-экономиста. Однако эти вопросы могут подниматься (особенно бывшим учеником Ауманна Хартом) только с оговоркой, что их постановка, похоже, имеет своей целью «делегализировать» определенную серьезную работу в области теории игр.

Как документы, на основе которых пишется история, записи собранных в этом томе бесед имеют нечто общее с более традиционными устными источниками. Но у них действительно есть некоторые недостатки:

Одно то, что историк объясняет ученому – его мнения и воспоминания будут сохранены и могут использоваться историками в будущем, – может заставить ученого войти в какой-то образ, даже надеть, если хотите, какую-то маску, отражающую, по его мнению, то, что должно остаться в памяти о нем самом, о его жизни и достижениях (Деворкин 1990, с. 47).

Иными словами, говоря о приводимых далее записях бесед, если эти материалы были изданы с одобрения интервьюируемых (а в некоторых случаях даже переписаны ими), это означает, что экономисты, по существу, сами отвечают за содержание своих интервью, и в эту книгу не вошел ни один материал, который противоречил бы их собственному пониманию своей работы.

Но и при этом следует учесть:

Какими бы ни были намерения этих ученых, память может их подвести, а неверно сформулированные историками вопросы провоцируют некорректные ответы, и, следовательно, искаженное видение истории. На самом деле есть веские основания полагать, что сам вопрос предопределяет ответ. Нередко бывает, что историк, уже досконально знающий свой предмет, имеет более широкий и совершенно иной взгляд на жизнь и личность интервьюируемого ученого, особенно если этот ученый работал не в одиночку, а в большой организации, как работают сегодня большинство ученых.

В основе своей эти беседы – конечно, не совсем устные рассказы, по той очевидной причине, что, за исключением двух интервью, это не беседы, проведенными историками в едином формате устного повествования. Когда выдающегося экономиста интервьюирует другой хорошо известный экономист, достаточно знакомый с предметом исследований интервьюируемого, эта беседа не может быть беспристрастной. Например, одно из отличий интервью, которое берет историк, от интервью, которое берет коллега, заключается в том, что историк скорее всего не очень знаком с теми конкретными идеями, областью исследования и методами анализа, которые интервьюируемый ученый считает своим вкладом в науку, – исходя из этого он строит свои ответы. Беседуя с коллегой, интервьюируемый, скорее, перейдет к обсуждению специальных проблем и вряд ли станет оправдывать (не говоря уже о том, чтобы объяснить) свое желание работать именно с данным материалом^[7]. Поэтому, если эти интервью будут читать неспециалист, ему будет сложнее следить за всеми поворотами в обсуждениях. Беседа может показаться перегруженной профессиональными терминами, тогда как историк скорее всего направит разговор в нужное русло, понятное читателю. Но вопросы, которые обычно задает историк, редко похожи на вопросы, обсудить которые хочется экономисту.

Именно по этой причине пространные отчеты о развитии современной физики были подготовлены не физиками, а Центром истории физики Американского института физики (AIP) в Нью-Йорке. Расшифрованные стенографические записи интервью, взятых в рамках этой долгосрочной программы, хранятся в библиотеке Нильса Бора AIP. Этот проект реализуется профессиональными историками, каждый из которых получил специальную подготовку как специалист по устной истории. И благодаря связи биографии интервьюируемых с их работой эти историки прекрасно информированы о характере и направлении исследований интервьюируемых.

Для экономики подобного центра не существует^[8]. Задачи историков экономической науки выполняют «одиночки», и не существует такого источника, за счет которого мог бы финансироваться подобный крупный проект. Взамен историки, которые все же проводят подобные интервью, готовятся к ним, как могут, изучая записи того, что является хорошими устными рассказами, и, быть может, справляясь по одному или нескольким учебникам, объясняющим, как именно можно превратить устный рассказ в историю науки – см., например, работы Деворкина (1990) и Эверетта (1992).

Вошедшие в этот том беседы не проводились в такой единой манере: редактор не потребовал от интервьюеров, чтобы они предварительно прослушали «курс устной истории». Не потребовал он и приведения их записей в единый вид, чтобы они, как отчеты AIP, отражали определенный набор вопросов, хотя и с возможностью отклонения от этих тем в зависимости от того, как будет развиваться разговор.

Эту напряженность в отношениях между учеными как историками и историками науки хорошо описал Стивен Браш (1995). По его словам, конфликты между ними могут иметь самые разные причины, начиная от убеждения некоторых историков, что ученые не в состоянии написать исторический труд из-за обязательного презентизма и «либеральничания», и кончая мнением некоторых ученых, что компетентно определить, что именно важно для истории, способен только тот, кто сам участвовал в создании науки. Эту позицию четко сформулировал Андре Вейль (1978), выдающийся математик, заявивший в своем выступлении на Всемирном конгрессе математиков, что «историей математики лучше всего могут заниматься те из нас, кто сами являются или были активными математиками, или, по крайней мере, постоянно находятся в тесном контакте с активными математиками» (р. 440).

Однако инстинкты и социализация экономистов и историков экономической науки заставляют их задавать о прошлом неодинаковые вопросы. Большинство экономистов рассматривает развитие экономической науки как решение серии проблем, которые возникают либо в мире, называемом экономикой, либо при разработке инструментов и методов, а также совершенствовании теоретических схем. То есть для большинства экономистов заниматься экономической наукой означает решать проблемы, а история этой науки – это последовательность проблем, возникших, решенных, сформулированных заново и снова решенных. Для них экономист – это тот, кто обучен и призван обществом распознавать эти экономические проблемы, а также действовать в мире, в котором формулировка и решение подобных проблем составляет суть профессии экономиста. Именно поэтому в приводимых ниже интервью мы слышим, как интервьюер спрашивает, как возникла та или иная проблема, и, кроме того, ведет речь о подходе и инструментах, которые потребовались для ее решения и которые составляют вклад интервьюируемого в науку. По существу интервьюер и интервьюируемый ведут себя как экономисты, сотрудничающие с целью улучшения понимания обществом того, как возникли эти проблемы, как разрабатывались инструменты и приобретались знания, необходимые для их решения. Обсуждение таких тем, как образование интервьюируемого, его профессиональное окружение и т. п., имеет своей целью выяснить, каким образом его формирование, включая интеллектуальную и эмоциональную подготовку, позволили ему ответить на те конкретные вопросы, которые поставила перед обществом экономика и экономическая наука. Это

полностью согласуется с таким написанием истории экономической мысли, которое историки обозначают словом OTSOG-ery, производным от аббревиатуры OTSOG (On the Shoulders of Giants, «на плечах гигантов», цитата из приписываемого Исааку Ньютону изречения, что он мог видеть дальше или двигать науку вперед потому, что стоял на плечах гигантов и т. д.). Эта точка зрения разделяется многими учеными и отражается в процедуре и результатах присуждения Нобелевской премии по экономике, когда Комитет по присуждению премий перечисляет конкретные заслуги награжденных. Поэтому в центре обсуждения именно научный вклад, а ученые по существу информируют о своем вкладе всех остальных членов сообщества экономистов.

Однако историка, очевидно, интересует другое^[9]. Для историка главное – это контекст, поэтому, создавая серьезную историю, они относятся к подобным беседам как к исходному материалу для ограниченного применения. Историческое повествование не есть последовательность – сначала одного, потом другого, третьего и т. д. Скорее это сплетение множества историй в полотно, вовлекающее частное, а также условное, в контекстуализацию всех этих последовательных объектов. Историка интересует более масштабный, более многослойный рассказ^[10], чем простое «я пришел, увидел проблему, которую требовалось решить, и придумал, как это сделать».

Позвольте мне теперь перейти к более конкретному анализу этих бесед, чтобы понять, как характер и опыт этих индивидуумов соотносятся с некоторыми более масштабными хрониками, создаваемыми историками экономической науки на протяжении последних десятилетий.

Во-первых, следует признать, что Самуэльсон, Фридман, Леонтьев и Модильяни принадлежат не к тому поколению, представителями которого являются большинство интервьюируемых. По своему менталитету это люди конца 1930-х – 1940-х гг. Это период, когда дали о себе знать два важнейших фактора, оказавших влияние на развитие экономики в XX веке – Великая депрессия и Вторая мировая война (к этой группе экономистов может быть причислен и Джеймс Тобин, который младше их всего на несколько лет).

Сегодня историки начинают понимать, что рассказ о развитии неоклассической экономической теории как о поступательном движении от маргиналистской революции конца XIX века к современности – это выдумка, особенно если говорить о развитии американской экономической науки. Ряд недавних исследований вполне убедительно продемонстрировал историкам: то, что в послевоенный период возникло как неоклассическая экономическая теория, было всего лишь одним из возможных способов заниматься экономической наукой (см. Morgan and Rutherford, 1998; Weintraub, 2002, Mirowski, 2002, Yonay, 1998). И дело было не только в том, что институционализм – американское направление в экономической науке – был постепенно вытеснен неоклассической теорией, а в том, что еще в 1930-е гг. было несколько вариантов неоклассической теории, состязавшихся между собой за внимание экономистов. Кроме того, теоретический вклад Кейнса в его книге 1936 г. исчерпал себя одновременно с распространением мнения, что рекомендации в отношении экономической политики, вытекавшие из общей теории Кейнса, уже обсуждались намного раньше в ходе дискуссий о государственном регулировании (Hutchison, 1968; Davis, 1971; Howson and Winch, 1997).

Но история развития экономической науки – это также небольшая часть более крупной истории, такой, в которой экономика в XX веке стала научной дисциплиной в совершенно особом смысле слова. По мнению большинства людей, отличительная особенность экономики как науки – систематизированное представление основного содержания этой дисциплины в математическом виде. То есть люди ассоциируют науку с такими различными теориями и законами, которые можно выразить математически, и которые подтверждаются либо противоречат цифровым данным, генерированным самостоятельно, хотя концептуально и связанным с данными теориями. Конечно, многое в экономической науке действительно имеет это сходство с

работой, выполняемой в других областях науки. Но свойства науки, по крайней мере, развитой науки, определяются не только тем, как выглядят ее «тексты». В наши дни никто не проводит экспериментов по физике частиц в лаборатории, устроенной в собственном подвале. Никто не пытается проводить эксперименты с управляемым ядерным синтезом в гараже. Современная наука – это огромные масштабы, масштабы финансирования и используемых людских ресурсов. Давно ушли в прошлое времена, когда, гуляя в 1930-е гг. по университетскому кампусу, можно было обнаружить, что химический факультет находится в одном здании с экономическим факультетом и факультетом французского языка. Осмотрев современный университет, занимающийся, в частности, биологическими исследованиями и сотрудничающий с каким-нибудь медицинским научным центром, можно понять, как изменились эти масштабы. Мы думаем о Манхэттенском проекте и понимаем, с чего началась «большая наука», но нередко не учитываем того, как изменились после Второй мировой войны масштабы экономических исследований. В наши дни, когда в аспирантуры многих вузов ежегодно поступают десять, двадцать, а то и более человек, трудно оглянуться в прошлое и вспомнить, что до 1960-х гг. учеба в аспирантуре была делом совсем не таким обычным. Просто не было столько выпускников. Но в постспутниковую эру, когда стало больше и учащихся, и наставников для этих учащихся, специализация и разделение труда привели к тому, что исследования стали проводиться «группой специалистов по экономике труда» университета X или «группой специалистов по государственным финансам» университета Y. Теперь будущие аспиранты воспитываются в этих группах точно так же, как они воспитываются в лаборатории профессора X или профессора Y. Ушли в прошлое те времена, когда профессор экономики мог целое десятилетие руководить подготовкой диссертаций по многим специальностям. Такого больше нет, как нет в наши дни и того, чтобы физик-теоретик руководил подготовкой экспериментальной диссертации.

Большая наука возникла в ходе Второй мировой войны вместе с колоссальной работой по созданию атомной бомбы и непосредственным участием ученых в решении военных задач. Проектирование и производство самолетов, радаров, систем наведения, вычислительных систем – все это появилось в военный период благодаря сотрудничеству ученых, инженеров, специалистов по военному планированию и стратегии, а также ученых, занимающихся общественными науками, и особенно экономистов. Инструменты и симметрия в анализе, которые Самуэльсон исследовал в своей довоенной диссертации, полностью использовались во время войны, когда оптимизационный анализ стал главным в деятельности исследовательских групп экономистов, подключенных Советом по прикладной математике к работе Радиационной лаборатории Массачусетского технологического института, Группы статистических исследований в г. Колумбия и вскоре возникшего центра RAND в Санта-Монике. Дело не только в том, что благодаря этим связям экономическая наука стала более «научной», но и в том, что она стала больше напоминать то, что мы сегодня считаем наукой. Пиаровский призыв продолжить государственную поддержку науки на таком же высоком (как в военное время) уровне, был сделан Ванневаром Бушем в его книге «Наука: бесконечная граница» (1945)^[11], но, конечно, экономическая наука была на этой границе. В результате экономика как наука должна была «вкусить от щедрот» Национального научного фонда, а также получить поддержку через армию, военно-воздушные силы и управление исследованиями ВМС.

В собранных в книге беседах обнаруживается не столько акцент на отдельных технических деталях, новшествах и анализе, сколько связь проблем, которые изучали интервьюируемые, с вопросами более общего характера. В интервью Леонтьева мы находим даже несколько жалоб на излишнее внимание экономистов к методам экономического анализа. Тем не менее нельзя сказать, чтобы эти методы вообще не обсуждались. Слушая более молодых экономистов (Фишера, Касса, Лукаса), мы узнаем из научных бесед о проблемах, которые, как предполагается, будут решены. До некоторой степени это, конечно, сугубо американская точка зрения. Проблемы в работе, с которыми сталкивались Жак Дрез и Янош Корнай, совершенно отлича-

ются от тех, которые знакомы экономистам в Соединенных Штатах. Тем не менее эта книга подтверждает, что направление, господствующее сегодня в экономической науке, – во многом американское изобретение, и его интеллектуальную мощь поддерживает американская система высшего образования, а именно рост в послевоенный период количества университетов, занимающихся наукой. Хотя Волкер долгое время состоял на государственной службе, а Фишер в последние годы работал в частном секторе, экономическая теория – университетская дисциплина. Это не просто предмет, который преподается в университетах, потому что имеет большое значение для государственной политики. Конечно, по сравнению с прошлыми временами, положение изменилось. Эти беседы отражают судьбы тех, кто внес вклад в развитие экономической науки. Их исследования – это валюта, используемая в отдельных научных сообществах. Преподавание, научное руководство аспирантами и разработка новых методов экономического анализа, пригодных для решения возникающих экономических проблем – этими видами деятельности занимаются в основном в университетах, а не в научно-исследовательских институтах или государственных учреждениях.

Еще одной особенностью этих бесед, которая заинтересовала бы историков, является то, что, хотя экономические исследования проводятся в университетах, нередко сами исследователи привлекают к ним другие круги. Это все равно, как если бы ядерные физики, все еще активно занимаясь наукой, выносили свои проблемы на обсуждение широкой публики. Особое внимание здесь нужно обратить на работу, сделанную Мартином Фельдштейном в Национальном бюро экономических исследований, а также Полом Волкером, занимавшим высокие должности в государственных структурах. Корнаи может тоже рассказать интересные истории о связи экономики с политикой, истории, которые все более узнаваемы, поскольку историки считают: история экономической мысли – это не просто повествование о том, как зародились и получили развитие и распространение великие идеи, но и о том, как эти идеи преодолели границы жестко организованных профессиональных сообществ и стали достоянием более широкого круга людей, интересующихся экономикой. Это рассказ о растущем значении экономистов в общественной жизни. Процесс возрастания такого значения складывался под влиянием двух факторов – президентства Рузвельта и создания в 1940-х гг. Экономического совета при президенте США (после принятия закона о занятости 1946 г.). Историки стали понимать, что история экономической мысли не просто история, рассказанная самими учеными-исследователями, а история изменения значения и влияния идей (см. Bernstein, 2001).

В этой передаче идей или экономических знаний конечными потребителями являются не только государство и военные. Существует также множество фондов, которые длительное время спонсировали экономическую науку и экономические исследования в собственных интересах. Хорошо известна история поддержки фондом Рокфеллера международных исследований в области экономического цикла в период между двумя мировыми войнами, и многие современные работы по экономическим циклам, а также эконометрические модели восходят, конечно, к тем годам. Фонд Волкера (не имеющий отношения к Полу Волкеру) в 1940-х гг. финансировал реконструкцию экономического факультета Чикагского университета и помог автору «Капитализма и свободы» [Милтону Фридману] опубликовать эту книгу; кроме того, он выделил средства на приглашение Хайека в Чикаго. Всем этим я хочу сказать, что идеи экономистов дают всходы. Как замечательно выразился Кейнс, «на самом деле, вряд ли миром правит что-либо еще» (Keynes, 1936, p. 383). Поэтому собранные здесь интервью позволяют глубже узнать о возникновении и развитии экономических идей, а значит помогут лучше понять наш мир.

Литература

Barber, W.J. (1975) The Kennedy years: purposeful pedagogy. In C.D. Goodwin (ed.), *Exhortation and Control: The Search for a Wage-Price Policy 1945–1971*. Washington, D.C.: The Brookings Institution.

Bernstein, M. (2001) *A Perilous Progress: Economists and Public Purpose in Twentieth-Century America*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Brush, S.G. (1995) Scientists as historians. *Osiris* 10, 215–231.

Bush, V. (1945) *Science: The Endless Frontier*. Washington, D.C.: Government Printing Office.

Davis, J.R. (1971) *The New Economics and the Old Economists*. Ames, IA: University of Iowa Press.

DeVorkin, D.H. (1990) Interviewing physicists and astronomers: methods of oral history. In J. Roche (ed.), *Physicists Look Back: Studies in the History of Physics*, pp. 44–65. Bristol and New York: Adam Hilger.

Everette, S.E. (1992) Oral History: Techniques and Procedures, U.S. Army Center for Military History; available at www.army.mil/cmh-pg/books/oral.htm

Gaudilliere, J.-P. (1997) The living scientist syndrome: memory and history of molecular regulation. In T. Soderqvist (ed.), *The Historiography of Contemporary Science and Technology*. Amsterdam: Harwood Academic Publishers.

Houson, S. & Winch, D. (1977) *The Economic Advisory Council, 1930–1939: A Study in Economic Advice During Depression and Recovery*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.

Hughes, J. (1997) Whigs, prigs, and politics: problems in the contemporary history of science. In T. Soderqvist (ed.), *The Historiography of Contemporary Science and Technology*. Amsterdam: Harwood Academic Publishers.

Hutchison, T.W. (1968) *Economics and Economic Policy in Britain, 1946–1966: Some Aspects of their Interrelation*. London: George Allen & Unwin.

Keynes, J.M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. New York: Harcourt, Brace & World.

Klamer, A. (1984) *Conversations with Economists*. Totowa, NJ: Rowman & Allanheld.

Kragh, H. (1987) *An Introduction to the Historiography of Science*. New York: Cambridge University Press.

Mirowski P.E. (2002) *Machine Dreams*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Morgan, M.S. & Rutherford, M. (eds.) (1998) *From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism*. Durham, NC: Duke University Press.

Weil, A. (1978) *History of Mathematics: Why and How*. International Congress of Mathematicians, Helsinki, Academia Scientiarum Fennica.

Weintraub, E.R. (1999) How should we write the history of twentieth century economics? *Oxford Review of Economic Policy* 15(4), 139–152.

Weintraub, E.R. (2002) *How Economics Became a Mathematical Science*. Durham, NC: Duke University Press.

Weintraub, E.R. (ed.) (2002a) *The Future of the History of Economics*. Durham, NC: Duke University Press.

Weintraub, E.R. (2005) Autobiographical memory and the historiography of economics. *Journal of the History of Economic Thought* 27(2), 1–11.

Yonay, Y.P. (1998) *The Struggle over the Soul of Economics: Institutionalist and Neoclassical Economics in America between the Wars*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

1. Интервью с Василием Леонтьевым

Беседовал Данкан Фоули

Колледж Барнарда, Колумбийский университет

14 апреля 1997 г.

Василий Леонтьев – один из тех, кто определил облик экономической науки XX века. Он разработал теорию анализа «затраты – выпуск» и методы построения на основе технико-экономических данных таблиц «затраты – выпуск», ставших самым мощным и широко используемым инструментом структурно-экономического анализа. В 1940-е и 1950-е гг. эта теория сыграла также важную роль в уточнении концепции общего экономического равновесия. Кроме того, Леонтьев внес фундаментальный вклад в развитие теорий спроса, международной торговли и экономического роста. В круг его научных интересов входили монетаристская теория, эконометрика, экономика охраны окружающей среды, проблемы народонаселения, распределения, разоружения, индуцированного технического прогресса, международного перелива капитала, роста, экономического планирования, а также советской и других социалистических экономик. Леонтьев активно участвовал в разработке национальной и международной политики в области технологий, торговли, демографии, экологии и контроля над вооружениями. Также он был влиятельным критиком современных экономических теорий, методов и подходов. Нобелевскую премию по экономике Леонтьев получил в 1973 г.

Наша беседа с Василием Леонтьевым состоялась 14 апреля 1997 г. в его нью-йоркской квартире в одном из небоскребов рядом с парком «Вашингтон-скуэр». Леонтьев сидел на диване в гостиной, а миссис Леонтьева занималась своими делами где-то в глубине квартиры и время от времени осведомлялась о его самочувствии. В записи голос Леонтьева звучит то уверенно и громко, то едва не превращается в шепот. Он то оживлен, то задумчив, то озадачен, то вновь воодушевляется – но при этом остается всегда обаятельным. Иногда его слова заглушают часы, отбивающие каждые четверть часа, и характерный шум нью-йоркской улицы. Я отредактировал текст интервью, чтобы сделать его более связным и легким для понимания.

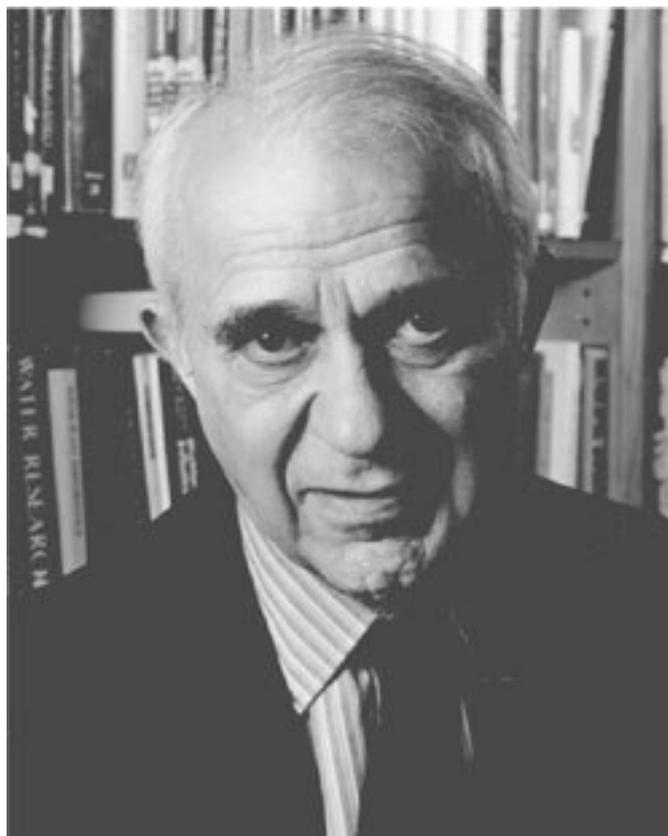

Рис. 1.1. Василий Леонтьев

Фоули: Была большая дискуссия о связи метода «затраты – выпуск» со схемами воспроизводства из второго тома «Капитала» Маркса. Какую роль сыграл Маркс, и сыграл ли вообще, в вашем становлении как экономиста? Вдохновили ли вас его схемы воспроизводства? Повлияли ли они на ваши взгляды?

Леонтьев: Дипломную работу я писал в России и именно там изучал марксизм, но не являюсь воинствующим экономистом-марксистом. Разрабатывая свой метод «затраты – выпуск», я пытался устранить недостатки классического и неоклассического анализа спроса и предложения. Я всегда считал его ужасно бессистемным. Полагаю, вы читали мое президентское послание?⁵ Мне казалось, что теория общего равновесия не объясняет, как использовать фактические данные, и я специально разработал метод «затраты – выпуск», чтобы обеспечить фактическую основу, регистрировать факты систематическим образом и тем самым сделать механизм функционирования системы более понятным.

Фоули: Сыграла ли структура марксовых схем воспроизводства какую-либо роль в формировании вашей концепции?

Леонтьев: На самом деле нет. Маркс не был хорошим математиком. Он все время путался в цифрах и формулах, его трудовая теория стоимости не слишком содержательна, но, в сущности, я интерпретирую Маркса, и Маркс интересен мне только как классический экономист. А повлиял на меня, возможно, Кенэ, его идеи. Очень трудно сказать, что именно на нас влияет. В университете я учился на экономиста. Уже тогда я регулярно читал всех экономистов начиная с XVII века. Я просто читал и читал и поэтому получил очень хорошую подготовку в области истории экономической мысли, и, как мне кажется, могу оценить состояние этой науки.

Фоули: В самые первые годы советской власти вы жили в Советском Союзе?

⁵ Послание Американской экономической ассоциации, президентом которой В. Леонтьев был избран в 1970 г.

Леонтьев: Я уехал из Советского Союза в 1925 г. У меня возникли проблемы с властями, и я вынужден был уехать, чтобы продолжать работать.

Фоули: Думал ли кто-либо в то время о статистике как основе планирования в Советском Союзе?

Леонтьев: Нет. В сущности, первым, что имело к этому хоть какое-либо отношение, был анализ национального дохода. Как и любой подобный анализ, он был слишком обобщенным. Вам дается одна цифра, в то время как я считал, что для понимания того, как функционирует система, одной цифры недостаточно. Хочется выяснить, как это можно детализировать. Я не собирался улучшать систему – просто пытался разобраться, как она работает. Конечно, прежде чем исправлять, хорошо бы понять, но мне кажется, что понять, как работает экономическая система, – это вообще первая задача экономиста.

Фоули: Тогда, в 1925 г., вы эмигрировали в Берлин?

Леонтьев: Да, в Берлин. Я очень быстро защитил диссертацию. Я тогда работал с двумя профессорами – был ассистентом у профессора Зомбарта, очень интересного историка и экономиста, и у Борткевича, экономиста-математика. Но профессор Зомбарт в математике не разбирался.

Фоули: Интересовал ли их статистический аспект составления таблиц «затраты – выпуск»?

Леонтьев: Нет, хотя экономисты в своих эмпирических исследованиях обязаны опираться на факты. Но многие, особенно лучшие экономисты, любят теоретизировать, оперировать абстрактными категориями.

Фоули: Как долго вы пробыли в Берлине?

Леонтьев: Около двух лет. После получения степени я работал в Институте мировой экономики (большом институте в Киле). Меня пригласили в штат, и, в сущности, именно там я и разработал свой метод «затраты – выпуск».

Фоули: Занимались ли другие ученые в Киле этой проблемой или вопросами, с ней связанными?

Леонтьев: Нет, я действовал совершенно самостоятельно.

Фоули: Наверное это был колоссальный труд – создать статистическую основу для анализа «затраты – выпуск».

Леонтьев: Да, конечно. Я решил, что следует показать, как этот метод работает на практике, и попросил помочь в этом одного человека. Национальное бюро экономических исследований пригласило меня в Соединенные Штаты. Я получил кое-какие деньги от фондов, и мы с моим помощником работали очень много, использовали всю возможную информацию, включая техническую, и прежде всего, естественно, данные переписи. Перепись в США была лучшим статистическим документом развития экономики. Позднее меня пригласили в Гарвард – там я проработал 45 лет. Когда началась война, интерес к методу «затраты – выпуск» возрос. Я был своего рода консультантом по экономическому планированию – работал для военно-воздушных сил, что во время войны имело, конечно, большое значение. Самая лучшая матрица «затраты – выпуск» была построена в военно-воздушных силах. У них была и таблица «затраты – выпуск» для экономики Германии – это помогало им выбирать цели. Обычно я не вмешиваюсь в чьи-то дела, но если вы над чем-то работаете, то должны понимать соответствующие задачи. В случае ВВС это был выбор целей и тому подобного, поэтому метод «затраты – выпуск» и вызывал у них такой интерес.

Фоули: Как вы оценивали работу Кейнса в 1930-е гг.? Не изменилось ли с тех пор ваше отношение к нему?

Леонтьев: Нет, абсолютно нет. Мое отношение было довольно критическим, так как я считал, что он разработал свою теорию, чтобы подвести основу под собственные рекомендации в области политики. Кейнс был больше политиком, чем аналитиком. Я так никогда и не

стал кейнсианцем, хотя и написал одним из первых ряд статей, посвященных его взглядам. Вы найдете их среди моих работ. Но я пытался анализировать его концепцию системно, то есть не политический аспект, а просто подход, который был, по-моему, слишком прагматичным. Хотите исправить систему – хорошо, но сначала опишите ее, а уж затем улучшайте.

Фоули: Была ли у вас в то время альтернативная теория экономической депрессии?

Леонтьев: Нет. Мне кажется, для теоретического осмысления экономических колебаний требуется прежде всего понимать, что эти процессы носят динамический характер. Я по-прежнему считаю, что эти колебания обусловлены определенного рода разницей, дифференциальными уравнениями. Структурные изменения имеют, конечно, большое значение, особенно сейчас. Динамика имеется всегда. Это система взаимосвязей, система уравнений, но количественный подход все равно важен. Поскольку я уделял много внимания связи между наблюдением и теорией, одновременно я разрабатывал теорию анализа по методу «затраты – выпуск», которая на самом деле является математической, и сам пытался собрать данные. Думаю, мне удалось повлиять на содержание курса экономической статистики.

Фоули: Да. Метод «затраты – выпуск» и анализ национального дохода – два важнейших достижения 1940–50-х гг.

Леонтьев: Согласен. Думаю, что здесь нет противопоставления. Метод «затраты – выпуск», на мой взгляд, просто намного более подробен. К примеру, Стоун, которому было поручено разработать систему показателей экономической статистики для ООН, придавал огромное значение методу «затраты – выпуск» как основе для агрегирования показателей при расчете национального дохода.

Фоули: В системе подобного рода обычно всегда пытаются смоделировать воздействия как со стороны спроса, так и со стороны предложения.

Леонтьев: Попытки отдельно анализировать спрос всегда вызывали у меня определенное беспокойство. Мне кажется, что хозяйства – это только часть всей системы. В правильной теории хозяйства – просто крупный сектор экономики.

Фоули: Это согласуется с идеей классической школы о том, что воспроизводство населения – один из аспектов воспроизводства экономической системы.

Леонтьев: Совершенно верно. Об этом писал еще Кенэ.

Фоули: О взаимосвязи между структурными изменениями и колебаниями деловой активности мы говорили и с Ричардом Гудвином.

Леонтьев: Ричард Гудвин – мой бывший студент. Он учился у меня, был моим ассистентом. Он не смог найти себе в Гарварде постоянную работу и уехал в Англию. Он был хорошим другом и очень интересным человеком.

Фоули: Мы как-то говорили об этом с Гудвином. В конце 1940-х у него была работа в Гарварде, но не постоянная.

Леонтьев: Да, постоянную работу он получить не смог, поэтому и уехал в Англию.

Фоули: Он сказал то же самое, но меня несколько удивило, что человек, занимавшийся в конце 1940-х такими исследованиями, не смог получить место в штате.

Леонтьев: Думаю, это из-за политики. Он был левым.

Фоули: И это перевесило его научные заслуги?

Леонтьев: Да, честно говоря, дело было именно в этом.

Фоули: Так вы и сегодня стали бы искать основную причину циклических колебаний экономики в лагах, в структурных изменениях со стороны предложения?

Леонтьев: Да, в структурных изменениях, но нужно быть очень осторожным, поскольку система, динамичная система, без структурных изменений имела бы лаги, а также скрытые внутренние причины колебаний. В настоящее время большое значение имеет, конечно, технический прогресс. Это существенный фактор экономических изменений и причина изменений социальных.

Фоули: Как вы считаете, эти колебания носят затухающий или взрывной характер?

Леонтьев: С точки зрения математики они не обязательно должны быть затухающими. Но тогда возникает вопрос, почему не происходит взрыва? Существуют некие силы, которые не дают взорваться, в том числе экономические – такие как политика и прочие нелинейные воздействия.

Фоули: В 1930-е гг. у вас были разногласия с Маршаком по поводу анализа спроса.

Леонтьев: Да, подробностей я теперь уже не помню, но, думаю, в подходе Маршака был логический изъян.

Фоули: Сыграло ли это какую-то роль в разработке метода «затраты – выпуск»?

Леонтьев: Это было уже после того, как я разработал метод «затраты – выпуск», который на самом деле был создан в период работы в Киле, а также в Национальном бюро. В Национальном бюро я вел «подрывную деятельность», так как при Митчелле оно занималось узкопрактическими вопросами, а у меня было очень сильное теоретическое чутье. Чтобы понять процесс, нужно иметь теорию. Там я организовал подпольный теоретический семинар. Он был подпольным, поскольку не соответствовал принципам Национального бюро.

Фоули: В 1940-е гг. между Национальным бюро и Фондом Коулза были довольно острые разногласия по поводу соотношения ролей эмпирического метода и теории. Купманс написал тогда очень острую статью.

Леонтьев: Поскольку я считал, что огромную, важнейшую роль играет математика, я был бы, конечно, на стороне Комиссии Коулза.

Фоули: Но институционально вы были ближе к Национальному бюро...

Леонтьев: Совершенно верно. Мне всегда казалось – и об этом я как раз писал в своем президентском послании – что если вы действительно хотите разбираться в эмпирической науке, то у вас должны быть факты. И проблема в том, как организовать эти факты. Теория, в сущности, и «организует» факты.

Фоули: Ваша позиция была своего рода синтезом двух этих точек зрения.

Леонтьев: Да, именно так.

Фоули: В 1940-е гг. Комиссия Коулза разработала весьма специфический подход к эконометрике и решению проблем измерения. Вызвал ли он у вас понимание?

Леонтьев: Нет. Я сразу выступил с критикой.

Фоули: Ожидали ли вы, что метод «затраты – выпуск» будет использоваться при разработке государственной политики после Второй мировой войны? Это период интересен тем, что служит образцом для последующих десятилетий.

Леонтьев: Прежде всего, не только государственной, но и отраслевой. Я вспоминаю, что когда значительно позднее возник вопрос о месте автомобильной промышленности в американской экономике, нашлась ассоциация промышленников, которая сказала: «Идите к Леонтьеву», поскольку я опубликовал одну работу, в которой в качестве примера использовалась автомобильная промышленность. Я опубликовал эмпирическую работу, а мой принцип, хоть мне и не всегда удавалось его соблюдать, заключался в том, чтобы использовать фактические данные всякий раз, как делаешь какой-либо теоретический вывод, – то есть не просто говорить, но действительно понимать, как это работает.

Фоули: И вы использовали метод «затраты – выпуск» для прогнозирования, скажем, развития автомобильной промышленности или других конкретных отраслей?

Леонтьев: Совершенно верно. Во времена холодной войны был такой экономист Хоффенберг. Он много занимался эмпирическим анализом, сыграл очень важную роль в построении таблицы «затраты – выпуск» для Соединенных Штатов. Это был действительно статистик с блестящей интуицией. А чтобы заниматься статистикой, как вы понимаете, нужно владеть совершенно особыми приемами. Когда я строил первую таблицу затрат и результатов,

а подготовил я ее довольно быстро, я много звонил по телефону. Я обзванивал компании, особенно сбытовые, и получал от них данные.

Фоули: Вы спрашивали у дистрибьюторов, как их заказчики распределяются по секторам?

Леонтьев: Именно так! Я просто обратился напрямую к дистрибьюторам.

Фоули: Была ли у американского правительства в 1946 г. работающая таблица «затраты – выпуск»?

Леонтьев: Да-да. В министерстве торговли, в Бюро экономического анализа. Национальный доход рассчитывало Бюро экономического анализа, и у них была таблица учета затрат и результатов. Хотя самую лучшую таблицу построили в Министерстве труда. Фрэнсис Перкинс, министр труда при Рузвельте, написала мне, что президент задал ей вопрос, что произойдет с американской экономикой после войны. Она сообщила, что они не знают, как на него ответить. Они попытались посмотреть в литературе, но не знают, как подойти к проблеме. А тогда как раз вышла одна из моих первых статей, и они спросили: «Может быть, вы научите нас, как это сделать?» Ко мне прислали представителя министерства, и я сказал: нужны фактические данные и хорошая теория. В то время, при Рузвельте, правительство было очень умным и активным. Прекрасно, сказали они мне, соберите данные. Приезжайте в Вашингтон и соберите фактические данные. Но я сказал: нет. В Вашингтоне фактические данные собирать нельзя. Я должен делать это в Гарварде. И они открыли в Гарварде отделение Бюро статистики труда, в школе Литгауэра. Я нашел людей, в основном не экономистов, а инженеров, и мы построили таблицу «затраты – выпуск». Следующая подробная таблица учета затрат и результатов была построена на деньги Министерства обороны. А у него денег было достаточно. Строить таблицу «затраты – выпуск», не имея средств, очень трудно, поскольку это очень ресурсоемкое занятие.

Фоули: Конкурировали ли между собой после войны кейнсианское управление спросом и ориентированный больше на совершенствование структуры экономики подход к формированию экономической политики, основанный на анализе затрат и результатов?

Леонтьев: Думаю, что кейнсианский подход определенно победил. Особой конкуренции, думаю, не было. Победил Кейнс.

Фоули: Почему это произошло?

Леонтьев: Потому, что Кейнс был очень прагматично ориентирован. По духу он был в большей степени политик, причем превосходный политик. Думаю, он разработал свою теорию, в сущности, чтобы обосновать собственные рекомендации в области политики. Он был невероятно умен.

Фоули: Но, похоже, что и у вас были политические контакты в Министерстве труда, Министерстве обороны и Министерстве торговли.

Леонтьев: О да. Но, вы знаете, они были иными. Намного более скромными. Министерство труда изучало вопросы, связанные с предложением на рынке труда, разными навыками и т. д. То есть занималось намного более узкими вещами. У них по-прежнему есть подразделение, занимающееся анализом затрат и результатов, – Бюро статистики труда.

Фоули: Оглядываясь назад, можно сказать, что в конце 1940-х гг. в экономической науке произошел синтез методологий. Какова была роль метода «затраты – выпуск» в выработке консенсуса методологий в экономической теории и эконометрике? Способствовал ли метод выработке этого консенсуса?

Леонтьев: Видите ли, я несколько скептически относился к идее отыскания подходящей кривой. Я думал о технических данных. Адекватное представление о структуре экономики имеют не статистики, а производственники, но, конечно, смоделировать технические показатели очень сложно. Моя идея состояла в том, чтобы не определять структуру косвенным путем, с помощью эконометрических или статистических методов, а напрямую обратиться к источни-

кам технических и экономических данных. У меня были кое-какие предложения на этот счет, реализовать которые помешало отсутствие средств. Эмпирический анализ стоит очень дорого.

Фоули: И анализ затрат и результатов обходится дороже косвенного статистического исследования.

Леонтьев: О да, намного дороже. Мы воспользовались косвенными статистическими методами. Думаю, у меня очень хорошо развита теоретическая жилка. В сущности, я теоретик. Но я был убежден, что теория – это просто построение концепций, позволяющих понять, как функционируют реальные системы. Это просто организационный принцип, в то время как для многих экономистов теория – нечто самостоятельное.

Фоули: Некоторые экономисты считают, что теория должна давать прогноз или объяснять поведение.

Леонтьев: Да. Думаю, если знать или договориться о том, что такое формальный характер математической системы, то благодаря общему характеру системы можно делать определенные прогнозы. Я опубликовал пару статей по прогнозированию. В количественном анализе есть краткосрочные и долгосрочные проблемы, и мне кажется, что обычное прогнозирование подходит для краткосрочных проблем; но технический прогресс, являющийся движущей силой всего экономического развития, – процесс долгосрочный.

Рис. 1.2. Участники семинара профессора Леонтьева (август 1948 г., Зальцбургский семинар по американским исследованиям): 1) Фридрих Зайб (Германия), 2) Бьёрн Ларсен (? Норвегия), 3) Хельге Зейп (Норвегия), 4) Лендерт Койк (? Голландия), 5) Жерар Дебрё (Франция), 6) Поль Виндинг (Дания), 7) Роберт Солоу (США), 8) Миссис Роберт Солоу (США), 9) Марио ди Лоренцо (Италия), 10) Арво Пуукари (Финляндия), 11) Жак Мэйе (Франция), 12) Одд Аукруст (Норвегия), 13) профессор Уильям Райс (США), 14) Джозеф Клацман (Франция), 15) неизвестный (Германия), 16) Бьярк Фог (Дания), 17) профессор Василий Леонтьев (США), 18) Пер Сильве Твейте (Норвегия)

Фоули: Следовательно, с этой точки зрения, конкретные гипотезы, касающиеся поведения людей или формирования ожиданий или предпочтений, играли бы вспомогательную роль.

Леонтьев: Да, вспомогательную. Я думаю так, поскольку мне кажется, что особенно при рыночной, капиталистической системе, крупные промышленники действительно играют большую роль, и они стараются получить прибыль, выбирать технологии, максимизирующие прибыль – в основном, в краткосрочной перспективе. Конечно, нужно учитывать и государственную политику, но бизнес – это, конечно, система краткосрочного типа.

Фоули: В таких отраслях, как транспорт или электроэнергетика, которые требуют долгосрочных инвестиций, это может создать проблемы.

Леонтьев: Согласен. Машиностроение, электроэнергетика, и, полагаю, охрана окружающей среды, которая сегодня особенно важна, требуют долгосрочного планирования.

Рис. 1.3. Йозеф Шумпетер, Василий Леонтьев и Пол Суизи в Гарварде, конец 1940-х гг.

Фоули: Вы говорили о проблеме денег и ресурсов. Была ли в США в 1950-х гг. конкуренция за ресурсы между методом, традиционно применяемым для расчета национального дохода, и методом «затраты – выпуск»?

Леонтьев: Мне кажется, что, по крайней мере, в Министерстве торговли поняли ценность метода «затраты – выпуск» для расчета национального дохода. Дело в том, что одно время (а, возможно, и сейчас) при расчете национального дохода, в основном, суммировались результаты анализа «затраты – выпуск». Финансирование – это всегда проблема. Для анализа затрат и результатов, особенно анализа технического прогресса, нам нужно больше инженерных знаний, так как сегодня движущей силой технического прогресса является прогресс научный.

Фоули: Считаете ли вы, что существует обратная связь и узкие места в экономике учитываются при определении приоритетных направлений научных исследований?

Леонтьев: Несомненно. Прежде всего это всегда было характерно для оборонной промышленности. Научный прогресс пошел военным на пользу.

Фоули: В 1960-е и в начале 1970-х гг. в экономической науке произошло еще одно важное изменение, сдвиг от кейнсианского консенсуса к тому, что теперь называют моделями рациональных ожиданий и концепциями рыночного клиринга и идеального предвидения. Вы

в то время преподавали в Гарварде. Как вы оценивали происходящее в вашей науке? Какие факторы преопределили эти изменения?

Леонтьев: Раньше в экономическом мышлении доминировал Кейнс. Не знаю, способствовала ли вся революция в теории ожиданий продвижению вперед, и в какой степени. С точки зрения математики это очень тонкая вещь, а я теперь уже не так внимательно слежу за литературой, но думаю, что особого анализа в отношении ожиданий не было. Одни разговоры. Я не увидел никакого существенного вклада в теорию ожиданий, за исключением краткосрочного прогнозирования циклических изменений, которое, конечно, имеет большое значение.

Фоули: Так вы не думаете, что этот сдвиг стал результатом определенного эмпирического превосходства этого нового подхода?

Леонтьев: Нет, я так не думаю.

Фоули: Может быть, кейнсианство просто себя исчерпало?

Леонтьев: Полагаю, что да.

Фоули: Вы сказали, что точка зрения Кейнса с самого начала не показалась вам убедительной, так что, полагаю, вы заметили это без особого сожаления?

Леонтьев: Да. Я не отношу себя к монетаристам, но думаю, что более глубокий анализ денежного потока способствовал бы большему развитию этого направления.

Фоули: Была разработана отчетность о движении денежных средств.

Леонтьев: Да, но очень агрегированная. Чтобы понять, как работает экономическая система, большое значение имеет дезагрегирование.

Фоули: Быть может, стоило увязать анализ денежных потоков с анализом затрат и результатов на тех же уровнях агрегирования?

Леонтьев: О, да, но я не видел, чтобы кто-либо пытался это сделать. Конечно, денег здесь нет, но думаю, что денежные потоки очень важны. Иногда мне казалось, что можно увязывать денежные потоки не сверху вниз, а снизу вверх, так как я думаю, что в каждой компании есть кто-то, кто отвечает за денежные потоки (бюджеты, кредит и т. д.) и обязан составлять планы. Сейчас планируются только денежные потоки, и есть тот, кто делает то же самое в банке. И, если я не ошибаюсь, менеджер компании, следящий за тем, чтобы у нее было достаточно заемных средств, сотрудничает с менеджером по кредитам в банке, который очень часто отвечает за отдельные компании. Я сделал несколько предложений относительно того, как с этим можно было бы поработать. Интересно было бы получить одни и те же цифры от двух разных людей. Было бы очень полезно понять, как они взаимодействуют, выбирая направление краткосрочных инвестиций.

Фоули: Экономическая теория об этом особо не задумывалась. Большинство моделей исходят из определенных условий равновесия, но вы сказали, что было ошибкой начинать с равновесия, противопоставляемого явно выраженной динамике.

Леонтьев: Конечно.

Фоули: Когда в 1974 г. вы ушли из Гарварда вскоре после получения Нобелевской премии, вы выступили с острой критикой этого направления в экономике и призвали к переоценке и переориентации методов экономических исследований. Как вы считаете, произошла ли эта переориентация?

Леонтьев: Нет.

Фоули: Оценка сегодняшней экономики как науки остается у вас прежней?

Леонтьев: Да. Мне кажется, нам нужны от экономистов объективные, практические рекомендации. Основа нашего понимания того, как функционирует экономика, не очень прочна. Практические рекомендации могут и должны больше основываться на понимании того, как работает эта система.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Хочу поблагодарить Билла Купера из Техасского университета в городе Остин, подсказавшего мне идею создания этой книги.

2.

Интервью ученых-статистиков можно найти в журнале *Statistical Science*, а интервью специалистов по эконометрии – в журнале *Econometric Theory*. Но обычно в этих интервью обсуждаются более узкие вопросы, соответствующие профилю журнала, а не общая эволюция экономической мысли.

3.

В письме, адресованном мне, Пол Самуэльсон написал: «Меня совсем не беспокоит, что моя проза обращена к наиболее эрудированным читателям. Роберт Браунинг сказал: "Человек должен постигать то, что выше его понимания, иначе к чему же тогда небеса?"» В связи с этим в своем вступительном слове Пол пояснил, что «специально не приводит знаменитые последние слова из «Общей теории». Тем не менее для тех, кто не отвечает установленным Полом высоким стандартам эрудиции, процитирую здесь высказывание Кейнса (издание 1936, с. 383–384), о котором Пол упоминает во вступительном слове: «Люди, считающие себя совершенно свободными от каких-либо интеллектуальных влияний, обычно рабски привязаны к какому-нибудь экономисту прошлого. Безумие сумасшедших во власти, слышащих вокруг голоса, подпитывает какой-нибудь ученый писака, сочинявший несколько лет назад. Я убежден, что власть заинтересованных кругов сильно преувеличена по сравнению с властью постепенно распространяющихся идей... Рано или поздно, к счастью или нет, выяснится, что опасны именно идеи, а не заинтересованные круги».

4.

Интересно, что этому противоречит более свежее высказывание Лукаса (2000, р. 279): «Я разделяю широко распространенное мнение, что M1 – слишком узкий агрегат для этого периода [90-х годов], и думаю, что расчет показателей по методу Divisia скорее позволит решить эту проблему».

5.

Онлайн-отчет для прессы, подготовленный журналом *Economic Journal* Королевского экономического общества, можно найти в Интернете по адресу: <http://www.res.org.uk/society/mediabriefings/pdfs/1997/July/barnett.asp>.

6.

Это проявилось уже в опубликованных ранее (в 1984 г.) интервью со специалистами по макроэкономике, с которыми Арьо Кламер беседовал о том, что в то время называлось неоклассической экономикой, но теперь ассоциируется с кейнсианством, противопоставляемым такому направлению макроэкономики, как теория реального экономического цикла.

7.

Я заметил, что хотя и Перри Мерлинг, и Дэвид Коландер могут рассматриваться как специалисты по истории экономической мысли, оба они считают себя прежде всего экономистами.

8.

Частичным исключением являются интервью, взятые специалистами по изустной истории у экономистов, работавших в разное время на администрацию президента США. В этом случае историки в Национальных архивах нередко интервьюируют экономистов или следят за тем, как их интервьюируют, и передают пленки и записи на хранение в соответствующую президентскую библиотеку. Например, есть серия интервью Уолтера Хеллера, Кермита Гордона, Джеймса Тобина, Гарднера Экли и Пола Самуэльсона, взятых в 1964 г. и записанных Джозефом Печманом (из института Брукингза) для программы изустной истории библиотеки Кеннеди (Barber, 1975).

9.

Хотя я и не буду развивать здесь эту мысль, должен отметить, что в этих интервью обсуждение биографии интервьюируемого сводится, как правило, к выяснению того, при каких обстоятельствах он сделал свой вклад в экономическую науку. Поэтому мы не обнаруживаем в них обычного для мемуаров излишнего внимания к первым годам взрослой жизни (Вайнтрауб, 2005).

10.

Другие способы, которыми специалисты по истории экономической мысли могут создавать подобные истории, подробнее обсуждаются в работах Вайнтрауба 1999 г. и 2002 г. (pp. 256–272).

11.

В интервью Самуэльсона я обратил внимание на его особую роль в подготовке доклада Буша.